089
ДВ 9 с3573562
П 487

Ф. И. Покровский

ПУТЕШЕСТВИЕ
въ
МОНГОЛИЮ и КИТАЙ

СИБИРСКОГО КАЗАКА ИВАНА ПЕТЛИНА
ВЪ 1618 ГОДУ

С.-ПЕТЕРБУРГ
1914.

C3573562

(Б 91.1 + Г 33 (2) 45 - 2
П 487

37.33.3.344а

е. д. д. Покровскій.

ПУТЕШЕСТВІЕ

ВЪ

МОНГОЛІЮ И КИТАЙ

СИБИРСКАГО КАЗАКА ИВАНА ПЕТЛИНА

въ 1618 году.

(Мнимое путешествіе атамановъ Ивана Петрова и Бурнаша Ялычева въ 1567 г.).

3573562
ДВ государственная научная библиотека

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1914.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Май 1914 г.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *С. Ольденбургъ*.

Гос. Публичная Библиотека в Ленинграде

Отдѣльный оттискъ изъ Извѣстій Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ, т. XVIII (1913 г.), кн. 4.

ГОС. ПУБЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА Ленинград

Путешествіе въ Монголію и Китай сибирскаго казака Ивана Петлина въ 1618 году

(мнимое путешествіе атамановъ Ивана Петрова и Бурнаша Ялычева въ 1567 г.).

Описаніе путешествія сибирскаго казака Ивана Петлина въ Монголію и Китай постигла странная и незаслуженно-печальная участь: оно было признано плагіатомъ съ описанія другого путешествія, совершеннаго, будто бы, гораздо ранѣе, именно въ 1567 г., казацкими атаманами Иваномъ Петровымъ и Бурнашемъ Ялычевымъ, такъ что Иванъ Петлинъ на самомъ дѣлѣ въ Китаѣ вовсе, будто бы, и не былъ.

Въ первый разъ это путешествіе было издано по рукописи Имп. Публ. Библ., собранія Фролова, Г. Спасскимъ во второй части *Сибирскаго Вѣстника* за 1818 г. (отд. III, 1—36). Еще ранѣе небольшое извѣстіе о немъ помѣстилъ въ своей *Сибирской Исторіи* Фишеръ[1]), на основаніи документовъ, скопированныхъ въ Томскомъ архивѣ для акад. Г. Ф. Миллера. Дѣйствительность совершеннаго Петлинымъ путешествія, равно какъ и принадлежность ему описанія его, не подвергались въ это время никакому сомнѣнію. Но затѣмъ Н. М. Карамзинъ встрѣтилъ это описаніе въ нѣсколькихъ хронографахъ, въ которыхъ оно было

1) Сибирская Исторія съ самаго открытія Сибири до завоеванія сей земли Россійскимъ оружіемъ, сочиненная на Нѣмецкомъ языкѣ... І. Е. Фишеромъ. СПБ. 1774 г., кн. I, 267—268. Нѣмецкое изданіе: Sibirische Geschichte von der Entdekkung Sibiriens bis auf die Eroberung dieses Landes durch die Russische Waffen. St.-Petersburg, 1768.

вріурочено къ 1567 г. и приписано казакамъ Ивану Петрову и Бурнашу Ялычеву: «Того же лѣта 75 году,—такъ оно начинается здѣсь,—по повелѣнію Г. Ц. и В. К. Ивана Васильевича ходили провѣдывати за Сибирь Государствъ Атаманы и Казаки Иванъ Петровъ да Бурнашъ Ялычевъ съ товарищи, и гдѣ которые городы за Сибирью видѣли, Китайскому Государству и Мунгалской земли, и инымъ мѣстомъ, жилымъ и кочевымъ, и Великой Оби рѣки и прочимъ дорогамъ и рѣкамъ, и тѣмъ всѣмъ вывезли сказку и роспись». По одному изъ такихъ хронографовъ (повидимому, № 64 отд. I библ. гр. О. А. Толстого) Карамзинъ вновь, съ нѣкоторыми только пропусками, напечаталъ это описаніе въ примѣчаніи 648-омъ къ IX тому своей Исторіи[1]), а относительно Петлина и изданнаго Спасскимъ путешествія замѣтилъ: «сей Петлинъ, вѣроятно, не бывалъ въ Китаѣ, а списалъ донесеніе Атамановъ Ивана Петрова и Ялышева, упомянувъ только въ началѣ о первомъ, а въ концѣ прибавивъ нѣсколько строкъ отъ себя». Въ главѣ 6-ой тома IX Исторіи Карамзинъ разсказываетъ о путешествіи Ивана Петрова и Бурнаша Ялычева какъ о фактѣ, не подлежащемъ сомнѣнію: «Уже твердо зная,—говоритъ онъ объ Іоаннѣ Грозномъ,—путь въ сію столицу Едигерову и Кучюмову, гдѣ бывали чиновники Московскіе, любопытный Іоаннъ желалъ узнать и страны дальнѣйшія: для того въ 1567 году послалъ двухъ Атамановъ, Ивана Петрова и Бурнаша Ялычева, за Сибирь на Югъ, съ дружественными грамотами къ неизвѣстнымъ Властителямъ неизвѣстныхъ народовъ... Такъ мы узнали Китай, бывъ обязаны симъ первымъ достовѣрнымъ объ немъ извѣстіемъ рѣдкому смыслу, мужеству, терпѣнію двухъ Козаковъ, умѣвшихъ преодолѣть всѣ труды, опасности пути дальняго, невѣдомаго сквозь степи, горы и кочевья варваровъ, видѣнныя, можетъ быть, только отчасти славнымъ Венеціянскимъ путешественникомъ XIII вѣка, Маркомъ Поломъ»[2]). Мнѣніе Карамзина утвердилось[3]), и съ этого времени стало признаваться безспорнымъ, что

1) См. изд. 5-ое, Эйнерлинга, Спб. 1843, кн. IIIч примѣч. къ т. IX, стлб. 146—149.

2) Тамъ же, т. IX, стлб. 220—221.

3) Впрочемъ, митр. Евгеній въ своемъ *Словарѣ русскихъ свѣтскихъ писателей* (т. II, М. 1845 г., стр. 117) считалъ еще Петлина дѣйствительнымъ

первое путешествіе русскихъ людей въ Китай было совершено въ 1567 г. казацкими атаманами Иваномъ Петровымъ и Бурнашемъ Ялычевымъ, описаніемъ которыхъ впослѣдствіи, въ 1618 г., воспользовался Иванъ Петлинъ и выдалъ за свое собственное. Съ именемъ Ивана Петрова и Бурнаша Ялычева (Елычева) оно было напечатано въ 1849 г. И. Сахаровымъ во 2-мъ томѣ его *Сказаній Русскаго народа* (стр. 183—186), по Толстовскому списку Имп. Публ. Библ., и, наконецъ, въ 1869 г. его издалъ, тоже какъ путешествіе этихъ атамановъ, А. Н. Поповъ въ своемъ *Изборникѣ славянскихъ и русскихъ сочиненій, вошедшихъ въ хронографы русской редакціи*, по списку принадлежавшаго ему хронографа половины XVII в. и съ вріантами по хронографамъ: Погод. № 1448 (позднаго письма) и Толст. № 64 отд. I (И. П. Б., F. IV, № 212)—XVII вѣка. Только Ю. В. Арсеньевъ, видѣвшій въ Московскомъ Главн. Архивѣ Мин. Иностр. Дѣлъ подлинный статейный списокъ посольства Петлина въ Китай, не счелъ возможнымъ, въ введеніи къ изданному имъ въ 1882 г. *Путешествію Н. Спафарія черезъ Сибирь*[1]), согласиться съ мнѣніемъ, что Петлинъ вовсе не былъ въ Китаѣ, и, доказавши несомнѣнность этой поѣздки, указалъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что Петлинъ сообщилъ о Монголіи болѣе полныя топографическія данныя, чѣмъ Иванъ Петровъ и Бурнашъ Ялычевъ. Къ сожалѣнію, мнѣніе Ю. В. Арсеньева осталось не замѣченнымъ[2]), а, къ тому же, и самому ему извѣстія Петлина о Китаѣ представля-

авторомъ описанія путешествія; точно также и въ *Библіол. Словарѣ* П. М. Строева (стр. 235) Петлинъ значится какъ писатель, и списокъ его путешествія указанъ въ библіотекѣ Сійскаго мон.; въ числѣ писателей онъ упоминутъ и въ *Обзорѣ русск. дух. литературы* архіеп. Филарета (изд. 3, Спб., 1884 г., стр. 223).

1) Записки Имп. Русск. Геогр. Общ. по Отдѣл. Этнографіи, т. X, вып. 1. Здѣсь же, въ примѣчаніи 1-омъ къ стр. 15-ой, см. иностранныя изданія путешествія Петлина.

2) Но Вс. С-ій, осторожный авторъ замѣтки о Петлинѣ въ *Русскомъ Біогр. Словарѣ*, предполагая, согласно съ Карамзинымъ, что Петлинъ составилъ свою Роспись «почти цѣликомъ по записямъ своихъ предшественниковъ», также думаетъ, въ виду свидѣтельствъ, приводимыхъ Фишеромъ, что со вторымъ утвержденіемъ Карамзина,—будто Петлинъ и вовсе не былъ въ Китаѣ,—«едва ли можно согласиться».

лись дословнымъ повтореніемъ путешествія 1567 г., и онъ думалъ, что здѣсь показанія Петлина дѣйствительно пополнены были прежними «вѣдѣніями».

Въ настоящее время представляется возможнымъ совершенно реабилитировать память казака Петлина отъ незаслуженнаго обвиненія и доказать, что онъ дѣйствительно, первый изъ русскихъ людей, посѣтилъ въ 1618 г. Китай, и ему именно, а не атаманамъ Ивану Петрову и Бурнашу Ялычеву, принадлежитъ описаніе этого путешествія. Имена Ивана Петрова и Бурнаша Ялычева, равно какъ и 1567 годъ ихъ мнимаго путешествія, представляютъ, вѣроятно, догадку редактора хронографа, которому необходимо было при включеніи въ составъ хронографа анонимнаго и недатированнаго путешествія пріурочить его къ опредѣленному времени и имени.

Въ самомъ дѣлѣ, уже съ перваго взгляда представляется неправдоподобнымъ годъ предполагаемаго путешествія Ивана Петрова и Бурнаша Ялычева: 1567-ой. Въ это время Сибирь не была еще завоевана: первый походъ Ермака, какъ извѣстно, происходилъ только въ 1578-мъ году, т. е. 11 лѣтъ спустя. Правда, Іоаннъ Грозный еще ранѣе 1567 года,—вѣроятно, при посредствѣ Строгановыхъ,—вступилъ въ сношенія съ вогуличами, остяками и татарами, жившими въ низовьяхъ р. Оби; въ 1555—1556 гг. онъ даже склонилъ князя Едигера къ платежу себѣ дани и сносился съ нимъ посольствами; еще ранѣе, въ 1534 году, онъ уже титуловалъ себя властителемъ Сибири[1]),—но все это касается Сибири сѣверной, а относительно южной нѣтъ никакихъ основаній думать, чтобы уже въ это время существовали какія нибудь сношенія царя съ ея народцами, тѣмъ болѣе, что на южную Сибирь не распространялись и промышленныя операціи Строгановыхъ. Скорѣе нужно полагать, что южная Сибирь была тогда страною совершенно невѣдомою Москвѣ, и потому представляется невѣроятнымъ, чтобы царь посылалъ провѣдывать государства, лежащія далеко за Сибирью, въ то время, когда сама эта

1) Государемъ Югорскимъ именовался уже дѣдъ его, а Обдорскимъ и Кондинскимъ—отецъ (Карамзинъ, изд. Эйнерлинга, т. VIII, стлб. 140—141; т. IX, стлб. 219.—Фишеръ. Сибирская исторія, русск. изд., стр. 109—112).

Сибирь была еще невѣдома и не доступна изслѣдованію. Между тѣмъ, путешествіе, приписываемое Ивану Петрову и Бурнашу Ялычеву и относимое къ 1567 году, совѣмъ не описываетъ дороги до города Киргиза, а въ описаніи пути отъ Киргиза до Мунгальской земли ограничивается сухимъ перечисленіемъ живущихъ здѣсь мелкихъ Киргизскихъ народцевъ и князьковъ да указаніемъ дней пути отъ одного изъ нихъ до другого: ясно, что въ то время, когда путешествіе совершалось, путь до города Киргиза былъ уже хорошо извѣстенъ тѣмъ людямъ, для которыхъ описаніе предназначалось, а также были болѣе или менѣе знакомы имъ: и дорога отъ Киргиза до Мунгальской земли, и быть Киргизскихъ народцевъ, жившихъ по этой дорогѣ, и природа ихъ страны, и т. под.

Вчитываясь, затѣмъ, въ текстъ путешествія, изданнаго А. Н. Поповымъ, нетрудно замѣтить, что фразы, въ которыхъ этимологъ Иванъ Петровъ и Бурнашъ Ялычевъ называются въ немъ людьми государя царя и великаго князя Ивана Васильевича, являются позднѣйшими вставками, включенными въ текстъ чисто механически: описаніе ведется въ 1-омъ лицѣ, отъ имени самихъ путешественниковъ («какъ лѣзешь во храмъ», «не распознаешь падали», «по нашему патріарху», «что у насъ старцы», «что у нашихъ старцевъ»), между тѣмъ вставки превращаютъ его въ разсказъ отъ 3-го лица: «и государя царя и великаго князя Ивана Васильевича всеа Россіи посланники... Китайскихъ людей распрашивали», «а государя царя и великаго князя Ивана Васильевича всеа Руси посланники у Китайскаго Тайбуна царя не были», «государя царя и великаго князя Ивана Васильевича всеа Россіи посланникомъ... сказывали Китайскіе жъ земли подъячеи».

Далѣе: объясняя санъ и положеніе кутухты, авторы путешествія говорятъ: «кутухтъ по нашему патріархъ»,—но въ 1567 г. русскіе люди не могли такъ сказать, потому что у нихъ въ это время былъ еще не патріархъ, а митрополитъ; очевидно, путешествіе совершалось значительно позднѣе 1567 года.

Наконецъ, страннымъ представляется и то, что въ началѣ описанія своего путешествія Иванъ Петровъ и Бурнашъ Ялычевъ ссылаются сами же на себя, какъ на лицъ, совершенно непричастныхъ къ этому

путешествію: «а отъ Кумчаги рѣки,—говорятъ они,—до болшего озера, гдѣ Иванъ Петровъ да Бурнашъ Ялычевъ сказывали въ озерѣ самоцвѣтный камень, семь дней ѣзду». Сами они не могли, конечно, сказать про себя такимъ образомъ, и потому Н. М. Карамзинъ долженъ былъ предположить, что эти слова принадлежатъ не имъ, а воспользовавшемуся ихъ трудомъ Ивану Петлину. Однако, такое предположеніе является совершенно неосновательнымъ: въ самомъ дѣлѣ, если Иванъ Петлинъ могъ [illegible] ссылку на путешествіе своихъ предшественниковъ, то, [illegible] потому, что считалъ это путешествіе извѣстнымъ и [illegible] которыя должны были читать его описаніе, то есть, [illegible] посылавшему его въ Китай Тобольскому воеводѣ, а за[illegible] Московскому Посольскому приказу, такъ какъ не можетъ быть [illegible] что описаніе это является оффиціальнымъ донесе[illegible] порученія, — «сказкою», «роспросомъ». Но, ссы[illegible] путешествіе и затѣмъ тотчасъ же послѣ этого списывая [illegible] въ качествѣ собственнаго, Петлинъ тѣмъ самымъ [illegible] съ головою, и допустить это предположеніе значило бы [illegible] человѣкомъ совершенно безразсуднымъ: въ XVII вѣкѣ и съ Московскимъ правительствомъ позволять себѣ такія шутки было [illegible]. Естественнѣе думать, что путешествіе было совершено и описано [illegible] Петровымъ и Бурнашемъ Ялычевымъ, а что, напротивъ [illegible], упоминаніе о нихъ здѣсь и дало поводъ неизвѣстному редактору хронографа, встрѣтившему путешествіе безъ обозначенія автора, приписать его этимъ лицамъ, внести затѣмъ ихъ имена въ начальныя строки Росписи, и въ послѣдующемъ изложеніи замѣнить ими мѣстоименіе перваго лица.

Предположеніе это вполнѣ подтверждается слѣдующимъ обстоятельствомъ. Списки путешествія въ Китай сохранились не только въ хронографахъ, но и въ нѣкоторыхъ другихъ рукописяхъ[1]), такъ какъ содержащіяся въ немъ свѣдѣнія о неизвѣстныхъ дотолѣ народахъ интересовали, очевидно, не однихъ оффиціальныхъ лицъ, но давали [illegible] и [illegible]новенной любознательности русскихъ людей. Писцамъ этихъ рукописей не было надобности, подобно редактору хронографа, непремѣнно приурочить путешествіе къ опредѣленному времени, и потому, во-первыхъ, здѣсь въ начальныхъ строкахъ путешествія уже нѣтъ ни года его совершенія, ни именъ Ивана Петрова и Бурнаша Ялычева. Во-вторыхъ, при упоминаніи о самоцвѣтномъ камнѣ въ большомъ озерѣ, здѣсь имѣется ссылка только на одного Ивана Петрова: напримѣръ, въ сборникѣ Академіи Наукъ 16. 15. 8 говорится: «гдѣ Иванъ Петровъ сказывалъ, въ коемъ озерѣ самоцвѣтъ камень»; въ сборникѣ Академіи Наукъ 34. 8. 25: «гдѣ Иванъ Петровъ сказывалъ самоцвѣтный камень». Затѣмъ, въ этихъ рукописяхъ Иванъ Петровъ упоминается въ [illegible] путешествія еще одинъ разъ, именно при разсказѣ о кутухтѣ и о его положеніи у монголовъ. Въ то время какъ въ спискѣ, изданномъ А. Н. Поповымъ, здѣсь сказано: «А то солгано, что выходенъ изъ Китайской орды, что Кутухта умеръ, да въ земли лежалъ пять лѣтъ, да опять ожилъ, то враки, что умеръ да опять ожилъ»,—въ сборникѣ Академіи Наукъ 16. 15. 8 говорится: «А то солгано, что кутуѳта умеръ да въ земли лежалъ 5 лѣтъ да и опять ожилъ, то враки Ивана Петрова, какъ де человѣку изъ мертвыхъ встать»; въ сборникѣ Академіи Наукъ 34. 8. 25: «А то про нихъ солгалъ Василей Тюменецъ да Иванъ Петровъ, что ходили къ Алтыну царю да сказали: кутохта де въ земли пять лѣтъ лежалъ да ожилъ». Редактору хронографа, приписавшему путешествіе Ивану Петрову и Бурнашу Ялычеву, должно было, конечно, показаться совершенно невѣроятнымъ, чтобы сами путешественники говорили о себѣ и о своихъ донесеніяхъ въ такихъ выраженіяхъ, какъ «враки», «солгано», и онъ вышелъ изъ затрудненія тѣмъ, что совсѣмъ выпустилъ здѣсь имена ихъ. Между тѣмъ, имя Василія Тюменца, упомянутое въ сборникѣ Академіи Наукъ 34. 8. 25, даетъ ключъ къ объясненію всей этой запутанной

---

1) Кромѣ указаннаго въ *Библ. Словарѣ* Н. М. Строева сборника «Сбитень» Сійскаго мон., см.: сборникъ Погод. древлехр. № 1570, лл. 126 и сл. (А. Ѳ. Бычковъ. Описаніе церк.-слав. и русск. рукописн. сборниковъ Имп. Публ. Библ., I. Спб., 1882, стр. 43—45 и 525; А. Ѳ. Бычковымъ путешествіе Петлина ошибочно приписано Василію Тюменцу и Ивану Петрову); сборники Академіи Наукъ: 34. 8. 25 (Осн. 365), лл. 509—517; 16. 15. 8 (Осн. 818), лл. 118—136; сборникъ Копенгагенск. музея XVII в. (И. И. Срезневскій. Свѣд. и зам. о неизв. и малоизв. памятн., № LXI, стр. 356—357).

исторія, такъ какъ извѣстно, что въ 1616 г. Тарскаго города казачій атаманъ Василій Тюменецъ и Тюменьскій десятникъ литвинъ Иванъ Петровъ дѣйствительно ходили посольствомъ къ Мунгальскому царю Алтыну, и статейный списокъ этого посольства сохранился какъ въ рукописяхъ[1]), такъ и въ оффиціальныхъ документахъ, по которымъ, между прочимъ, объ этомъ посольствѣ было подробно разсказано еще Фишеромъ въ *Сибирской Исторіи*[2]). Описаніе путешествія въ Китай, отнесенное въ хронографахъ къ 1567 г. и приписанное атаманамъ Ивану Петрову и Бурнашу Ильичеву, и ссылается именно на это посольство Ивана Петрова и Василія Тюменца, что, конечно, было вполнѣ естественнымъ для Ивана Петлина, ходившаго въ Китай спустя полтора года, черезъ ту же Мунгальскую землю, до которой вмѣстѣ съ нимъ шли и послы Алтына царя, приходившіе въ Москву съ Василіемъ Тюменцемъ и Иваномъ Петровымъ.

Въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ сохранились подлинныя дѣла Посольскаго приказа по обоимъ этимъ посольствамъ: какъ Василія Тюменца съ Иваномъ Петровымъ, такъ и Ивана Петлина съ товарищами. Въ нихъ имѣются подлинныя разспросныя рѣчи посланниковъ и, между прочимъ, переводъ съ грамоты Алтына царя[3]), которую тотъ послалъ русскому государю съ своимъ посольствомъ, отправленнымъ вмѣстѣ съ Иваномъ Петлинымъ, и въ которой онъ говоритъ, что Петлина сопровождали до Китая и обратно его, Алтына царя, люди. По этимъ документамъ, а также по копіямъ бумагъ изъ сибирскихъ архивовъ, собраннымъ акад. Г. Ф. Миллеромъ и хранящимся въ библіотекѣ Академіи Наукъ, и могутъ быть съ достовѣрностію возстановлены какъ обстоятельства и ходъ обоихъ посольствъ, такъ, вмѣстѣ съ

1) См. вышеупомянутый сборникъ древлехр. Погодина № 1570, л. 126 (А. О. Бычковъ. Описаніе перк.-слав. и русск. рукоп. сборниковъ, I, 43); Матеріалы для исторіи Сибири, изъ библ. Царскаго, № 245, л. 98 (П. Строевъ. Рукописи славянскія и россійскія, принадлежащія... И. П. Царскому. М. 1848, стр. 227).

2) См. русское изданіе, стр. 253—264. Ю. В. Арсеньевъ, въ введеніи къ вышеупомянутому *Путешествію Спаварія* (стр. 9—13), также довольно подробно изложилъ это посольство по подлиннымъ разспроснымъ рѣчамъ казаковъ, хранящимся въ Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ.

3) См. ниже.

тѣмъ, и вообще начало сношеній русскаго государства съ Монголіею и Китаемъ.

Повидимому, первая попытка Московскаго правительства вступить въ дипломатическія сношенія съ Монгольскимъ и Китайскимъ государствами относится къ царствованію Василія Ивановича Шуйскаго, которому въ 1608 году Томскіе воеводы Василій Волынскій и Михаилъ Новосильцевъ доносили, что они, по его, государя, указу, 10 октября 1608 г. посылали «къ Алтыну царю да въ Китайское государство Томичь казаковъ конныхъ, Ивашка Бѣлоголова, да Матюшку Бутьина, да Оеску Ходенкина, да въ толмачахъ Гришку Михайлова литвина». Довелось имъ къ Алтына царя и въ Китайское государство хотѣли Киргизскіе князьки Ноянъ да Кочебай, которые сами уже бывали у Алтына царя. Они сказывали, что «ходу до него отъ Киргисъ мѣсецъ, а его ясашные люди живутъ Матаи отъ Киргисъ два дни; и отъ Матъ живутъ до него все ясашные люди; а царь кочевной, кочуетъ на лошадяхъ и на верблюдахъ; людей де у него тысячь за двѣсти; а бой у нихъ лучной. А до Китайскова де государства отъ Алтына царя ходу три мѣсеца, а живетъ де Китаескій государь, и у него де, государя, городъ каменной, а дворы де въ городѣ по русково обычая, полаты на дворахъ каменные, и люди де сильны Алтына царя и богатствомъ полные. А на дворѣ де у Китайскова государя полаты каменные; а въ городѣ де стоятъ храмы у него, и звонъ де великой у тѣхъ храмовъ, а крестовъ на храмахъ нѣтъ; тово де у нихъ не дѣлаютъ, какая вера; а живутъ съ русскова обычая, и бой де у него огнянной; и приходятъ де изъ многихъ земель с торгомъ къ нему; а платье де оно носитъ все золотное, а привозятъ де к нѣму великіе узорочья изъ многихъ земель». Томскіе воеводы, отпуская Номчу и Кочебая съ своими служилыми людьми, привели ихъ къ шерти, «а въ ихъ мѣсто заклады оставили в Томскомъ городѣ; Номчину жену да Кочебаева сына», и велѣли Номчѣ идти къ Алтыну царю и въ Китайское государство, а Кочебаю дали порученіе приводить подъ царскую руку Киргизскихъ князей: Ноина, Кошку да Обрая. Въ 1609 г., 18 марта, Ивашко Бѣлоголовъ съ товарищами вернулся въ Томскъ и въ разспросѣ показалъ, что «ихъ к Алтыну царю и в Китайское государство Номча не повелъ, за тѣмъ, что... Колмаки Черные Алтына царя воюютъ и отгнали

де отъ зимнево ево кочеванья далече, где онъ прежъ сево кочевалъ, и есашные люди Алтыновы отъ Алтына царя отступили и с нимъ воюютца, которы отъ Киргисъ живутъ к Алтыну царю по дороге, и за темъ де имъ итить къ Алтыну царю нельзя» [1]). Такъ, первая попытка провѣдать Китай и окончилась неудачей. Въ центральномъ Московскомъ правительствѣ, повидимому, были утрачены даже и свѣдѣнія о ней, такъ какъ когда впослѣдствіи,—вѣроятно, при приходѣ Мунгальскихъ и Лабинскихъ пословъ съ Иваномъ Петлинымъ,—возникъ вопросъ о церемоніалѣ ихъ пріема и потребовалась справка, какъ дѣлалось это при прежнихъ государяхъ, изъ Посольскаго приказа отвѣчали, что были ли при прежнихъ государяхъ послы изъ Лабинскаго государства, «того [illegible] въ Посольскомъ приказе после Литовского разоренья не сыскано, [illegible] въ Посольскомъ приказе, что напередь сего прихаживали къ Москве [illegible] въ посланникехъ отъ Колматцкихъ тайшей Колмацкие [illegible]: они прибыли въ Москву 29 декабря 1607 года и были [illegible] царемъ Василіемъ Ивановичемъ 14 февраля 1608 года [2]).

Въ царствованіе Михаила Θеодоровича мысль завязать сношенія съ Мунгальскимъ царемъ и съ Китайскимъ государствомъ возникла вновь: въ 1615 г., «о Петровѣ дни», были посланы съ Москвы на государеву службу къ Алтыну царю Тарскаго города атаманъ Василій Тюменецъ и [illegible] десятникъ изъ литвиновъ Иванъ Петровъ Текутьевъ. По государевой грамотѣ, данной изъ Казанскаго дворца, было велѣно снарядить ихъ въ путь изъ Тобольска, воеводѣ князю Ивану Семеновичу Куракину. Куракинъ отправилъ посольство въ слѣдующемъ 1616 г., 10 мая, черезъ Томскъ, причемъ почему то вмѣсто Ивана

---

1) Бумаги Миллера Академіи Наукъ, Томская Архива, I, № 8, лл. 12 об. 13 об. См. также *Русск. Истор. Библ.*, т. II, стлб. 188—191. Казачій атаманъ Иванъ Бѣлоголовъ встрѣчается въ документахъ еще въ 1620 г., когда ему повелѣно было ѣхать вмѣстѣ съ жильцомъ Томскаго города Лукою Васильевымъ (вѣроятно, тѣмъ толмачемъ, который ѣздилъ въ Монголію съ Василіемъ Тюменцомъ) изъ Москвы въ Казань, приставомъ съ калмыцкими послами (Бум. Миллера Ак. Н., Туринск. Арх., I, № 134, л. 146).

2) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., дѣла Монгольскія, дѣло 29 дек. 1608 г.: Выписка о бытности въ Москвѣ у царя Василья Ив. Шуйскаго Мунгальскихъ пословъ (безъ начала и конца).

Петрова предполагалъ сначала послать голову Андрея Шарыгина [illegible] жайшую заботу о снаряженіи посольства онъ поручилъ Томскому [illegible] Θедору Васильевичу Боборыкину и писалъ ему о задачахъ [illegible] пословъ слѣдующее: «Ис Томского города велено имъ итти [illegible] в Макутцкой и в новой Енисейской остроги, а изъ Куз[illegible] [illegible]ннымъ путемъ проведывать Китайского государства. И какъ Андрей и Василей в Томской городъ пріедутъ, тебе бъ, господине, [illegible] подьячего да плотника, кому кочевое и [illegible] служилыхъ, не промышленныхъ людей, отпустить с ними [illegible] города до Китайского государства, давъ имъ государево [illegible] Да тебе жъ бы, господине, велѣть здѣлать су[illegible] [illegible] суды делать: на скобели, на [illegible] [illegible], да на суловую снасть велеть [illegible] Андрею [illegible] И с ними жъ отпустить толмача до [illegible], а [illegible] с Васильемъ посланы ис Тоболска плотникъ и [illegible] Китайского государства... А какъ даже, [illegible] Богъ, [illegible] [illegible], и тебѣ бы, господине, велеть [illegible] в суды, а [illegible] можно [illegible] Макутцк[illegible] [illegible] мощно имъ потти на со всеми людми; а напрудъ [illegible] стити Онпрѣя Шарыгина и Василья Тюменца со [illegible], которые с ними посланы ис Тоболска и ис Томи отпущены в Китайское государство и въ Енисейской острогъ, не замотчавъ тотъ часъ, дабъ [illegible] не [illegible], за льдомъ с первою [illegible] [1]). Позднѣе, отпуская въ Томскъ Василія Тюменца уже съ Иваномъ Петровымъ, кн. Куракинъ писалъ Томскимъ воеводамъ, Θ. В. Боборыкину и Гаврилу Юричу Хрипунову, чтобы они дали посланникамъ «для государевы казны в целовалники изъ человѣкъ торговыхъ, изъ охочихъ людей, да для письма не служивыхъ или изъ гулящихъ людей подьячева, изъ служивыхъ охочихъ, которой похочетъ» [2]), а также велѣли бы имъ «в Томском уезде имати провожатыхъ и толмачей, сколко будетъ пригожъ, которые Алтына царя и его людей языку знаютъ».

---

1) Бум. Миллера Ак. Н., Томск. Арх., I, № [illegible], лл. 7[illegible]—74 [illegible].
2) Бум. Миллера Ак. Н., Томск. Арх., I, № 35, л. 45 и сл.

стоялось тогда, а было отсрочено до возвращенія пословъ Алтына царя изъ Москвы. Точно также, вопреки первоначальному предположенію кн. Куракина, въ Москву послы Алтына царя поѣхали не отдѣльно отъ Василія Тюменца, а вмѣстѣ съ нимъ и еще съ казакомъ Даниломъ Низовцемъ[1]); Иванъ Петровъ уѣхалъ, можетъ быть, впередъ.

По пріѣздѣ посольства въ Москву записано было въ Посольскомъ приказѣ отъ Василія Тюменца и Ивана Петрова слѣдующее показаніе о ихъ путешествіи:

«В прошломъ во 123-мъ году о Петрове дни посланы онѣ на государеву службу к Алтыну царю с Москвы, а велено ихъ отпустити по государеве грамоте ис Казанскаго приказу, отпустити ис Тоболска боярину и воеводе князю Ивану Семеновичю Куракину. И бояринъ де князь Иванъ Семеновичь отпустилъ ихъ ис Тоболска в прошломъ во 124-мъ году мая в 10 день, на завтрее Николина дни, в Томской городъ. А шли онѣ отъ Тоболска до Томи водянымъ путемъ рекою Обою великою в стругѣхъ, греблею и парусы, наскоро и погодьемъ пяти недѣль, а коли лучитца непогодье и парусовъ не лучитца, ино ходу отъ Тоболска до Томского города живетъ 8 недѣль и 10».

«А пріѣхавъ онѣ в Томской городъ, ѣздили ис Томского города напередъ безъ государевы казны десятникъ Иванъ Петровъ в Киргизскую землю, для того чтобъ имъ провѣдать в Киргицкой землѣ подлинно того, пропустятъ ли онѣ ихъ к Алтыну царю черезъ Киргизскую землю и не будетъ ли имъ отъ нихъ в Киргитцкой землѣ грабежу и задержанья. И какъ Иванъ пріѣхалъ в Киргизы х Киргизскимъ князкомъ, к Немеку князю с таварищи,—а тотъ у нихъ Немекъ князь и началной, и та Киргитцкая земля вся ныне ево, а напередъ того была отца ево, да подъ нимъ Немекомъ 2 князка лутчихъ Номча да Кора,—и учалъ имъ, пріѣхавъ, говорити, что онѣ посланы отъ государя царя и вел. кн. Михаила Өедоровича всеа Русіи в послѣхъ к Золотому к Алтыну царю, и онѣ ихъ

1) Бум. Миллера Ак. Н., Туринск. Арх., I, № 119, лл. 129 об. 130. Посламъ всего 5-ти человѣкамъ, предписывалось давать поденнаго корму «на человѣка на день по два калача двуденежныхъ да говядины, какъ имъ можно сытымъ быть, да питья всѣмъ вопче по тринатцать чарокъ вина, три ведра пива, ведро меду».

черезъ свою землю к Алтыну царю и назадъ отъ Алтына царя в государю пропустили безо всякого задержанья и провожатыхъ имъ дали. И Киргитцкіе де земли князки со всѣми своими людми, услыша у него у Ивана то, что онѣ идутъ к Алтыну царю в послѣхъ отъ государя и не отъ воеводъ, учели быти ради и черезъ свою землю велѣли имъ ѣхать безо всякого страхованья, и в закладъ в Томской городъ отъ себя прислали лутчего человѣка, а его, Ивана, оставили у себя. И онъ, Иванъ, дожидался товарища своего Василья з государевою казною в Киргизской землѣ, и в тѣ поры посылалъ онъ Иванъ изъ Киргизскіе земли татарина Киргизского же, провѣдывать про Алтына царя, гдѣ онъ, и на которомъ мѣсто къ нему итти. И тотъ де татаринъ про Алтына царя провѣдалъ, что онъ отъ Киргитцкіе земли в пяти днищахъ [illegible] рекѣ. И прислалъ к нему Алтынъ царь в Киргитцкую землю, [illegible] ево к себѣ, Тайбыня мурзу. И онъ, Иванъ, ему сказалъ, что [illegible] одному безъ товарища своего к Алтыну царю итти нельзѣ, а [illegible] дожидатца изъ Томского города товарища своего, и онѣ к Алтыну царю пойдутъ вмѣсте тотчесь, а Алтынъ бы царь прислалъ к нимъ на встрѣчу для провожанья людей своихъ, чтобъ имъ до [illegible] дойти [illegible]. И Тайбынъ мурза былъ в Киргитцкой землѣ 4 дни и [illegible]. Да какъ ис Киргитцкіе земли в Томской городъ в закладъ Киргитцкіе земли лутчей человѣкъ пріѣхалъ, и Василей Тюменецъ и з государевою казною пошелъ ис Томского острогу в Киргитцкую землю сухимъ путемъ на лошадехъ со вьюки».

«А шли до Киргизъ отъ Томского города три недѣли, а были имъ в дорогѣ поля и горы каменые, а реки всѣ были и до Киргизскіе земли бродовые, с лошадей вьюковъ на рекахъ не сымывали. А какъ онѣ пришли в Киргискую землю, и говорили Киргискимъ князкомъ, чтобъ онѣ учинились подъ государевою рукою, и служили государю, и государевымъ людемъ никакіе шкоты не чинили, и на томъ бы онѣ на всемъ по своей вѣре учинили государю шерть; а говорили онѣ в Киргизской землѣ о томъ собою, а грамотъ с ними о томъ в Киргизскую землю и записи шертовалны с Москвы и изъ Сибири не было. Да и во всѣхъ землицахъ, на которые они к Алтыну царю шли, говорили о томъ князкомъ и началнымъ людемъ, чтобъ они государю служили и были подъ государевою

Томскіе воеводы, прежде отправленія пословъ къ Алтыну царю, послали въ Киргизы Томскаго казака Ваську Ананьина съ толмачемъ Лукою и велѣли имъ «въ Киргизахъ взяти заклады изъ князьковъ и лутчихъ людей и привести в Томской городъ», а къ Алтыну царю «послать изъ Киргизъ князковъ или лутчихъ людей с вестью, чтобъ Алтынъ царь прислалъ в Киргизы людей своихъ, проводить отъ воинскихъ людей к себе, Алтыну, Василья Тюменца с товарыщи и Ивана». Вмѣстѣ съ Васькой Ананьинымъ поѣхалъ теперь же, взявъ съ собою часть государевой казны, назначенной для пути и для подарковъ, и Иванъ Петровъ.

Васька Ананьинъ, «пришедъ в Киргизы, послалъ к Олтыну Киргискова князка Кору» и 16 августа 1616 г. воротился въ Томскъ, привезъ съ собою закладчикомъ киргиза Субана; Иванъ же Петровъ съ толмачемъ Лукою остались въ Киргизахъ, дожидаться Василія Тюменца. 22 августа отправился въ путь и Василій Тюменецъ; съ нимъ вмѣстѣ посланъ былъ тотъ же Васька Ананьинъ, съ охочими людьми изъ Томскихъ конныхъ казаковъ[1]; цѣловальниками при государевой казнѣ пошли Томскіе жилецкіе люди Куземка Юрьевъ да Нефедко Гавриловъ[2].

Посольство достигло кочевьевъ Алтына царя 12 октября 1616 г. и было принято царемъ дружелюбно: по словамъ посланниковъ, царь принялъ «государево жалованье дары чесно и учалъ быть въ великой радости, государю царю и великому князю Михаилу Ѳеодоровичу всея Русіи Алтынъ царь предъ Васильемъ Тюменцомъ съ товарыщи шертовалъ на томъ, что ему ...государю служити и прямити во всемъ».

Однако въ дальнѣйшій путь, къ Китаю, Василій Тюменецъ и Иванъ Петровъ не поѣхали, а, удовольствовавшись разспросами людей Алтына царя о Китаѣ и другихъ народахъ, 25 октября поѣхали обратно и 22 ноября 1616 г. вернулись въ Томскъ, вмѣстѣ съ двумя послами, Казаномъ и Каченгой, отправленными въ Москву Алтыномъ царемъ, и вмѣстѣ съ посломъ отъ Киргизскаго князька Коры. Отсюда они 16 декабря отпущены были къ Москвѣ, чрезъ Тобольскъ[1]). Изъ Тобольска въ Москву долженъ былъ идти напередъ Василій Тюменецъ: Ивана Петрова съ посланцами Алтына царя Тобольскіе воеводы кн. И. С. Куракинъ и Ив. [illegible] предполагали отправить нѣсколько позднѣе. При этомъ, предпріимчивый и энергичный кн. И. С. Куракинъ рѣшился теперь же снарядить особое посольство въ Китай, надѣясь, что Алтынъ царь, къ которому они отпустили одного изъ Киргизскихъ «мужиковъ», бывшихъ при послахъ, съ извѣстіемъ о благополучномъ отправленіи послѣднихъ въ Москву, проводитъ это посольство до Китайскаго государства: «А Алтынъ царь у пословъ,—доносили царю Михаилу Ѳеодоровичу Тобольскіе воеводы,—взяли мы, холопи твои, Киргисково мужика; давъ ему твое государево жалованье, посылаемъ назадъ к Олтыну царю; да с нимъ посылаемъ въ посолстве твоихъ государевыхъ служилыхъ людей, чтобъ ему было вѣдомо, что ево послы до Сибирскихъ городовъ дошли и к тебѣ, государю, отпущены здорово, потому что они отпущены у нево на урочище; а твоихъ государевыхъ служилыхъ людей, которые отпущены отъ насъ, холопей твоихъ, в посолстве, Алтынъ царь отпустилъ и проводить велѣлъ въ Китайское государство, чтобъ Китайской царь противъ нашихъ пословъ отпустилъ с тѣми служилыми людьми к тебѣ, к государю, своихъ великихъ пословъ, чтобы твоему царьскому величеству к чести и к повышенью, и твое бы государево величество Китайскому царю вѣдомо было»[2]). Посольство это, въ которомъ кн. Куракинъ предполагалъ, между прочимъ, послать толмача Ивашку Петлина, почему то однако не со-

---

1) Кромѣ Васьки Ананьина, толмача Лучки Васильева новокрещеннаго и двухъ цѣловальниковъ, поѣхали казаки: Васька Обросимовъ Струхна, Богдашко Григорьевъ Токарь, Алешка Карповъ и Тимошка Ивановъ (И. Забѣлинъ. Дополненія къ дворц. разрядамъ, I, 104—105: Чт. М. О. И. и Др., 1882, I.—Бум. Миллера Ак. Н., Томск. Арх., I, № 49, лл. 64—65 об.: челобитная Тимошки Иванова).

2) Бум. Миллера Ак. Н., Томск. Арх., I, № 39, лл. 49—51, отписка Томскихъ воеводъ царю о возвращеніи Василія Тюменца съ Алтыновымъ посольствомъ; № 42, лл. 55 об.—56 об., челобитная Васьки Ананьина о награжденіи за службу; № 35, лл. 45 об.—47, дѣло по челобитью Василія Тюменца.

1) Бум. Миллера Ак. Н., Томск. Арх., I, № [illegible], лл. 49—50, донесеніе царю Томскихъ воеводъ. Въ отпискѣ Томскихъ воеводъ [illegible] И. С. Куракину тамъ же, № 57, лл. 47 об.—48 об. [illegible] въ Томскъ [illegible] 26 ноября, а отправленіе изъ Томска въ Тобольскъ 15 декабря. Ср. тамъ же: Туринск. Арх., I, № 118, л. 129 и сл.

2) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., дѣло Монгольскія, дѣло 16 мая 1616 г. Отправленіе изъ Москвы къ Мунгальскому царю Алтыну въ посланъ Василія Тюменца и Ивана Петрова.

рукою, собою, а гралотъ и записей шертныхъ с ними не было. И Киргизскіе князки ихъ приняли честно, и кормъ и подводы имъ дали, и отпустили ихъ изъ своея землѣ к Алтыну царю.

«А шли онѣ ис Киргизъ на Табынскую землю; а Табынская земля тоѣ же Киргиские земли, только живутъ о собѣ, а дань даютъ в Киргизскую землю и к Алтыну царю: хто к нимъ ни пріѣдетъ, тому и ясакъ даютъ. А живутъ онѣ по лесомъ межъ горъ в ослонѣхъ, переходятъ, гдѣ кому мѣсто полюбитца, а шубы носятъ оленьи и козьи, а кормятца звѣремъ, бьютъ лося и оленя и козы; мясо ѣдятъ, а в кожахъ дѣлаютъ платье. А угодей у нихъ никакихъ нѣтъ, и хлѣбъ не родитца, и коровъ и овецъ нѣтъ, толко одни лошади да олени. А сколко ихъ всѣхъ, того смѣтить было имъ не можно, потому что ѣхали мимоѣздомъ; а живутъ онѣ по лесомъ, а, дорогою ѣдучи, видели ихъ по станомъ человѣкъ съ 300 и съ 400. А леса и горы в Киргизской землѣ каменые, велики. А шли онѣ до тоѣ Табынскіе земли отъ Киргизъ 8 денъ сухимъ путемъ на лошадѣхъ, вьюки; рѣчки были не великіе, бродовые, имянъ имъ не упомнить».

«А ис Табынскіе земли шли онѣ на Саянскую землю, а в ней князекъ Кара-Сакулъ съ товарыщи; живутъ себѣ межъ горъ и лесовъ по рѣчкамъ; горы каменны, а леса черные, болшіе; а сколко ихъ всѣхъ, того имъ смѣтить было нелзѣ, потому что живутъ в розни; а слухомъ онѣ про нихъ слышели, что ихъ съ 5000 человѣкъ. А ѣздятъ на оленяхъ и на конахъ, а ясакъ даютъ Алтыну царю. А житье ихъ то же, что и в Табынской землѣ: угодей никакихъ нѣтъ, и хлѣбъ не родитца».

«А какъ онѣ пріѣхали въ Саянскую землю, и Саянскіе земли князекъ Кара-Сакулъ съ товарыщи ихъ спрашивали, какіе они земли люди и отъ которово царя и куды идутъ. И онѣ, Васплей и Иванъ, сказали Кара-Сакулу съ товарыщи, что онѣ идутъ отъ великого государя царя и великого князя Михаила Өедоровича, всеа Русіи самодержца, в послѣхъ к Алтыну царю, чтобъ онъ со всѣми своими землями былъ подъ государевою рукою и государю служилъ и прямилъ, а великій государь учнетъ ево держать подъ своею царскою высокою рукою; а они бъ по тому же были подъ государевою же рукою, а государь ихъ учнетъ жаловать и держать в своемъ царскомъ жалованье. И Саянскіе земли князекъ Кара-Сакулъ с товарыщи, услыша у нихъ то, почали быти радостны же и говорили, что онѣ

великому государю царю и великому князю Михаилу Өедоровичю [illegible] Русіи служить и прямить ради, и почесть к нимъ учали держать, и [illegible] воды присталые переменили, и на кормъ дали маса оленья, [illegible] чѣмъ и до Матцкіе земли дойти, и на завтрее же отъ себя ихъ отпустили. А шли онѣ ис Табынскіе земли до Саянскіе земли семь денъ, [illegible] тою дорогою перешли онѣ в ту семь денъ трои горы каменые [illegible] лежать на нихъ снѣги зимою и лѣтомъ безпрестанно, и оболока на тѣхъ горахъ лежатъ, и стужа на нихъ живетъ [illegible]. А [illegible] царя Саянская земля за 10 денъ».

«А изъ Саянскіе земли шли онѣ до Матцкые земли [illegible] мѣста были ровные, межъ горъ же, а горы были им[illegible]. А рѣки имъ были отъ Саянъ до Матцкіе земли: первая Камчата, — 2 [illegible] отъ Саянъ, другая река Частые Броды, а бежитъ [illegible] — [illegible] Камчата реки 2 же днища; а рѣчки всѣ каменные, не великіе, ключевые, вышли изъ горъ. А отъ Частыхъ Бродъ шли до озера 2 днища; а озеро велико, межъ горъ каменныхъ, вода в немъ солона, а какъ то озеро словетъ, того не упомнятъ. А от озера шли до Матъ 2 же дни сухимъ путемъ, межъ горъ же, рѣкъ не было, только были ручейки [illegible] великіи».

«А в той Матцкой земли живетъ князекъ Кундученъ и служитъ со всею землею Алтыну царю, и кочевья тоѣ землицы сошлися с кочевьи царевы Алтыновы земли».

«А какъ онѣ пріѣхали въ Матцкую землю, и Матцкіе земли князекъ встрѣчалъ ихъ честно, отъ своихъ улусовъ в полуверстѣ, с кормомъ и с питьемъ, и подводы далъ. А кормъ былъ: мясо, баранъ, да молоко коровье и кобылье, да кумызъ изъ молока же кобылья. И проводилъ ихъ изъ своей землицы до царя Алтына самъ, а назадъ отъ царя до своей земли ихъ провожалъ же, и в дорогу кормъ и подводы имъ давалъ».

«А изъ Мацкіе земли пришли к Алтыну царю. А шли они отъ Мацкіе земли Алтына царя землею до тѣхъ мѣстъ, гдѣ кочюетъ самъ царь, два днища. А кочевья царевою землею часты, мало не сплошь, и людно добрѣ».

«А самъ царь кочюетъ у озера, а имя тому озеру Усанъ, а у того озера гора соляная, имя ей Кукей».

«А какъ онѣ пришли близко царева кочевья, и царь прислалъ к нимъ на встрѣчю версты за две царевича, сына своего меншого, имени не упомнить, да большова Желтова царя князя сына Колчай-Тучай, с лутчими людми, человѣкъ с пятдесять, с коръмомъ и с питьемъ по своей вѣре; а ѣста была: боранье мясо, молоко коровье, вино не кумызу,— бело, а пьяно: толко братина дховая выпить, и человѣкъ пьянъ будетъ такъ, что с меду».

«А на встрѣче царь и князь и лутчіе люди ихъ спрашивали, какіе они люди, и отъ кого, и для какова дѣла к царю Алтыну пришли. И они, Евсѣей и Иванъ, говорили царевичю и князю и лутчимъ людемъ, что пришли они к Алтыну царю изъ великого Російского государства, отъ великого государя царя и великого князя Михаила Оедоровича, всеа Русіи самодержца, и послалъ, для того что великій государь царь и великій князь Михайло Оедоровичь, всеа Русіи самодержець, хочеть ево, царя Алтына, со всѣми ево улусными людми и землями, держать в своемъ царскомъ милостивомъ жалованье, подъ своею царскою высокою рукою. И велѣлъ бы царь ему, великому государю, выше службу свою показать: учинился подъ его государскою рукою и ясакъ государю далъ, что у него в его землѣ ведется, и по своей вѣре на томъ шерть учинилъ, а великій государь учнетъ ево, царя, держать в своемъ царскомъ жалованье. И царевичь и князь и всѣ люди, которые ихъ встрѣтили, выслушавъ ихъ рѣчи, учали быти ради и имъ противъ того сказали, что Алтынъ царь, слыша про нихъ, великого государя пословъ, велѣлъ ихъ встрѣтить ему, царевичю, и князю и лутчимъ людемъ своимъ, и почесть имъ велѣлъ воздать, и до стану ихъ проводить, а поставити ихъ велѣлъ близко себя, для того что они великого государя Бѣлова царя послы; и сами учали быть ради, и ихъ потчивали, и на радости велѣли имъ стрелять из пищалей и, потчивавъ ихъ, проводили на станы. А станъ имъ учинили близко царя: поставили имъ избу особную полстяную, отъ царева стану с полверсты»[1])...

1) Далѣе Посольскимъ приказомъ включена въ разспросъ слѣдующая справка: «А в государеве наказе у нихъ, каковъ имъ данъ в Тоболску отъ боярина и воеводы отъ князя Ивана Семеновича Куракина с товарыщи, написано: «велено имъ посольство править и рѣчь говорить и поминки подать отъ боярина отъ князя Ивана Семеновича Куракина, а не отъ государя». А рѣчью [illegible] Евсѣей и десятникъ Иванъ в Посольскомъ приказе говорили, что отпущены они к Алтыну царю отъ государя с Москвы, и у государя у руки были, и они потому и говорили у Алтына царя в землѣ, называли себя посланники отъ государя; а почему имъ такову наказъ далъ князь Иванъ Куракинъ, и они того не вѣдаютъ, потому что никто изъ нихъ граноте не умѣетъ».

«А в нынѣшнемъ же во 125-мъ году декабря в 31 день, по отписке из Тоболска же боярина князя Ивана Семеновича Куракина с товарыщи, посланъ к нимъ государевъ и боярской приговоръ с Литвиномъ с Томилкомъ Петровымъ да съ Астороханскимъ с конным казакомъ с Ывашкомъ Кунцынымъ, а велено имъ ссылатца с Колматцкими людми и приводити ихъ подъ государеву руку, чтобъ они были подъ государевою рукою, а с Китайскимъ государствомъ и с Алтыномъ царемъ ссылатися имъ не велено, до тѣхъ мѣстъ, покамѣста объ ихъ подлинныхъ вестей провѣдаютъ».

«А на завтрее того велѣлъ имъ царь быти у себя; [illegible] звать к царю лутчей ево ближней человѣкъ Мамэти, и [illegible] подъ ду и люди присланы были отъ царя. И они [illegible] тхали къ цареву стану на лошадѣхъ, а государево жалованье, что [illegible] с ними было отъ государя к Алтыну царю, несли передъ ними [illegible] на рукахъ пѣши. А слѣзли с лошадей отъ тое избы, и [illegible] были у царя на посольствѣ, за лучное стрелок[illegible]. А [illegible] царя встречали царевы люди; а принималъ ихъ царь [illegible] в мечети у кутухты; мечеть здѣлана полстеная, а на верху [illegible] а по стенамъ стояли образы, писаны на харатьѣ».

«А при немъ были лутчіе ево князи и мурзы, и [illegible] в пецномъ, в камчатомъ и в отласномъ. А на самомъ царѣ [illegible] платно отласъ золотной. А какъ они вошли в избу к царю, и царь [illegible] на своемъ мѣсте, ноги подогобзъ; а устроено мѣсто ему на [illegible] было ковровъ в полколѣны, и надъ нимъ к около ево обито было [illegible] А изба была, а по ней — мечеть, полстяная, обита сверху вышеписаными [illegible] ными, а около мѣста его, гдѣ онъ сидѣлъ, обито было коврами же, и по полу послано было войлоки ординъскими. А подле ево садѣли: с правую сторону Желтова царя князь Комучинъ, которово называетъ себѣ в [illegible] мѣсто, а с лѣвую сторону ево ближней человѣкъ Тарханъ-баши, а подле Тархана сидѣлъ Тайбынъ-мурза, а сидѣли так же, что и царь, ноги подогобзъ. А самъ царь сидѣлъ, опершися правою рукою локтемъ на кошм

Кошучина. И какъ онѣ, Василей и Иванъ, учали говорить на посолстве государево имя, и царь противъ государева имени приподнялъ шапки и спрашивалъ про государево здоровье, а ближніе люди, которые подле ево, шапки сняли и приподнялися, а иные мурзы лутчіе, человѣкъ съ 50, стояли».

«А сказавъ онѣ царю про государево царево и великого князя Михаила Ѳедоровича всеа Русіи здоровье, говорили в речи, чтобъ онъ, Алтынъ царь, былъ подъ великого государя царя и великого князя Михаила Ѳедоровича всеа Русіи высокою рукою на веки неподвиженъ, а великій государь царь и великій князь Михаило Ѳедоровичъ, всеа Русіи самодержецъ,—государь преславной и великой: многіе цари и царевичи и короли подъ ево царскою высокою рукою и в его милостивомъ жалованье и в призрѣнье. А какъ онъ, Алтынъ царь, учинитца подъ ево государевою рукою и шерть учинитъ, и великой государь по тому же учнетъ ево держать в своемъ царскомъ жалованье на веки».

«И Алтынъ царь, выслушавъ у нихъ государского имени, и рѣчи говорилъ имъ, что онъ великому Бѣлому государю царю и великому князю Михаилу Ѳедоровичю, всеа Русіи самодержцу, служить и подъ ево царскою высокою рукою быть радъ, и шертовати на томъ готовъ, а то онъ и самъ вѣдаетъ, что надо всѣми цари нѣтъ болши его, великого государя, и ему такому великому государю служить мочно».

«И какъ онѣ, Василей и Иванъ, услышели у царя противъ своей рѣчи и посолства отвѣтъ, и они поднесли к царю Алтыну отъ государя жалованья. А поднесли онѣ к царю государева жалованья отъ государя: однорядку багрецовую червчату, с плетенкомъ и з завязки с шолковыми з золотцомъ; однорядку лундышную рудожелту, с плетенкомъ же; 5 однорядокъ лятчинныхъ; 13 блюдъ оловянныхъ, 4 котлика, 6 ножей. И царь то все отъ нихъ принялъ с великою честью, и государево имя возвышали при царѣ. Да туто жь поднесли онѣ государева жалованья Жолтова царя князю Кошучину: однорядку настраоилну червчату з завязки, да три однорядки лятчинныхъ, 2 блюда бѣлыхъ оловянныхъ, 2 котлика мѣдяныхъ, 5 ножей окованыхъ. А велѣлъ имъ то поднести князю Кошучину царь самъ, потому что онъ у него добрѣ близокъ, и называетъ ево в отцово мѣсто».

«А после того какъ онѣ царю и князю Кошучину [illegible] жалованье, и царь Алтынъ, а по ихъ вѣре имя [illegible] воздавать честь великую, и велѣлъ пророку своему кутукту, [illegible] ево крылашены, пѣти по книжному по ихъ вѣре; а сидѣлъ [illegible] особно устроено ему мѣсто рундукомъ, выше царева мѣста, и [illegible] гомъ алтабасомъ золотнымъ, а надъ нимъ [illegible] что [illegible] у ево мѣста написаны по ихъ вѣре образы на бумаге и при[illegible] кахъ к избе, а писмо велико, невѣдомо какое».

«А какъ кутукта отпѣлъ, и царь про государево [illegible] красное, ис кубка из серебреного из золоченого, и [illegible] своимъ людемъ, которые сидѣли с нимъ, про государ[illegible] подавалъ. А имъ подалъ пити после своихъ ближнихъ [illegible] человѣкъ, и звалъ ихъ ѣсти, и того дня онѣ у царя [illegible] за столомъ одинъ, а столикъ былъ не великъ, писанъ [illegible] носили на блюдахъ на бѣлыхъ. Ѣствы были: утята и тетерева, [illegible] боранина и говядина, а всѣхъ ѣствъ было з десять. А [illegible] него ѣствы всякіе по немногу, с костей мало окроша, а на костехъ понемногу ставатъ передъ него, и подачи онъ [illegible] чину роздаетъ. А пить в столъ носили молоко [illegible] ломъ, а в немъ листье, невѣдомо какіе; а иное питье красное, не вѣдаютъ какое; а кобылья маса и молока кобылья и кумызу самъ царь не пьетъ. А какъ пить носили, и они видели одинъ кубокъ серебрянъ позолоченъ да чашки костяные, а какіе кости, того не вѣдаютъ. А платье за столомъ на царѣ было: коотанъ озяминой—камка бѣлая, да шапочка душчата лисья не велика. А имъ де столъ былъ особной: сидѣли противъ ево, и подачи имъ отъ себя давалъ и питье присылалъ».

«А самъ царь лѣтъ съ 60, бороду бреетъ, толко усъ; волосомъ чернъ, ростомъ дороденъ и плечистъ, и собою во всемъ пригожъ».

«И говорилъ царь, что ждалъ отъ Бѣлова государя к себѣ жалованья и присылки лѣтъ с семь; и ныне у него о томъ радость, что онъ отъ такова великого государя Бѣлого царя пословъ у себя видитъ. И они де противъ того царю говорили, что отъ государя по ся мѣста к нему послы не бывали потому, что побивали государевыхъ людей Киргизскіе люди, и проходу отъ нихъ не было. И царь де противъ того туто же говорилъ

Киргизскому князку, которой былъ с ними в переводчикехъ: толко де впередъ Киргизскіе люди хотя одново человѣка убьютъ, и онъ ихъ всѣхъ до одново человѣка велитъ вырубить».

«А говоря с ними того дни, царь, и после обѣда подчивавъ ихъ, отпустилъ ихъ к себѣ в станы, и в стола мѣсто кормъ и питье за ними прислалъ; а прислалъ к нимъ корму: боранъ битой — несли на блюдехъ, а другой живъ, да молоко коровье прѣсное, да вино из молока же, на день по пяти сумъ, а сума в ведро. А в приставехъ у нихъ велѣлъ быти лутчему своему человѣку Марзѣю, и береженье и почесть к нимъ держать велѣлъ и по вся дни кормъ имъ по тому же доволный. И которые к нимъ де царевы люди приходили, и они ихъ подчивали, и имъ то было отъ нихъ в великую почесть. А самимъ имъ, Василью и Ивану, велѣлъ ѣсть у себя по вся дни».

«И на завтрее того дни ѣли они у царя, а ѣхали так же и за столомъ сидѣли, какъ и в первой день. А в третей день царь Алтынъ передъ ними государю шертовалъ по своей мусулской вѣре: подымалъ на руки бога своего честно. А богъ у нихъ вылитъ в золоте, что робеночекъ не великъ; а подымали ево всѣмъ крылосомъ на пеленахъ. А какъ ево подняли, и царь де со всѣми лудчими своими людми поклонился и имъ, посломъ государевымъ, говорилъ, что у нихъ толко и вѣры, что они боговъ своихъ подымаютъ и имъ кланяются, а не прикладываютца, и болши того у нихъ вѣры не живетъ; а подымали онѣ бога и кланяетца ему онъ, царь, ныне со всѣми своими людми на томъ, что ему со всѣми своими людми государю служить и прямить и быти подъ государевою рукою; а чѣмъ ево государь ни пожалуетъ, в томъ онъ пологаетца на ево государеву волю; а что у нево есть, в томъ воленъ же Богъ да государь: что ему, государю, надобно, то бы велѣлъ имать».

«А про кутукту имъ росказывалъ самъ царь, что тотъ кутукта по ихъ мусулманской вѣре у нихъ святой, а присланъ онъ к нимъ ис Лабинского государства. А какъ де тотъ кутукта родился, и онъ де грамоте умѣлъ, да жилъ де онъ отъ роженія своего три года и умеръ, да лежалъ[1]) [де

1) Далѣе строка срѣзана; дополнено по разспросу, произведенному въ Тобольскѣ (въ томъ же дѣлѣ Моск. Гл. Арх. М. Ин. Дѣлъ).

онъ в земли летъ пять мертвъ, да ожилъ, да [illegible] моте уметь сталъ и людей своихъ знать; а живетъ [illegible] а всего онъ ныне лѣтъ в 17; а впередъ сколко ему [illegible] домо. А у того де кутукты по своей вѣре здѣлана [illegible] высока, розборная, а на ней крестъ деревяной; боги [illegible] велики, а стоятъ на рундучкѣ, а передъ ними три куоки золоч[illegible] домо какіе, да блюдцовъ малыхъ съ 10; да передъ ними [illegible] тоненки, невѣдомо какіе: толко курятца, а поломени [illegible] колоколчики невелички стоятъ тутъ же у рундучка, [illegible] И книги у нихъ есть, и пѣнье по ихъ вѣре, — вечерни и [illegible] по вся дни живутъ; а кланяютца до земли; да у нихъ [illegible] и каменные. А платье на томъ кутукте и на ево [illegible] на греческое, безъ рукавъ, носятъ на опашку».

«А после шерти держалъ ихъ у себя царь четыре дни, [illegible] давали доволны. А отпускалъ ихъ царь к государю [illegible] валъ к государю челобитье, а с ними вмѣсте отпустилъ к государю [illegible] своихъ 2 человѣкъ, и подарки с ними к государю прислалъ, а [illegible] пускалъ ихъ не тоѣ же избы, гдѣ они у него и на [illegible] А [illegible] отпуске приказывалъ онъ к государю челобитье: [illegible] шапку, поклонился, и говорилъ имъ самъ царь, что онъ учинился [illegible] государевою рукою и вѣру при нихъ на томъ далъ, и государь бы ево держалъ въ своемъ государеве жалованье; а ныне бы государь ево пожаловалъ, прислалъ к нему с послы его судна с три серебреныхъ, да жемчюгу, да пищалей з 20, да сабли з двѣ добрыхъ, а суконъ бы и олова и мѣди не присылалъ; а платно бы государь пожаловалъ, прислалъ к нему суконное червчато или желто, да аргамакъ; а сверхъ де тово, — чѣмъ ево государь ни пожалуетъ. А будетъ государю на какого на своего недруга надобны ратные люди, и онъ к государю пошлетъ людей своихъ, на своихъ кормѣхъ, сколко государю надобно. Да на отпуске же, какъ ихъ царь отпускалъ, говорилъ царь Киргизскимъ людемъ: толко онѣ подъ государевою высокою рукою быти не учнутъ и ему, государю, служить и прямить не станутъ и какое дурно надъ русскими людми учинятъ, и онъ ихъ велитъ за одново государева человѣка всѣхъ высечь до одново человѣка. А отпустилъ ихъ царь отъ себя на самъ на Дмитревъ день Се-

лунского. А на отпуске далъ имъ царь своего жалованья по 3 коня, да ему, Василью, далъ дѣвку, и та у него дѣвка в дороге у Соли Вычегодцкой умерла, а везъ онъ еѣ к Москве. Да имъ же далъ по шубе боранье, опушены бобромъ и соболми».

«И проводити ихъ царь послалъ людей своихъ, а на дорогу далъ при себѣ 16 борановъ, и землею своею в дороге сверхъ того кормы велѣлъ имъ давать доволны. И провожало ихъ царевыхъ людей десеть человѣкъ, опричь пословъ ево, 5 денъ, мало не до Саянскіе земли».

«А шли онѣ отъ Алтына царя назадъ и до Томского города тое же дорогою, которою и к Алтыну царю шли. А сколь велика земля, того имъ смѣтить нелзя, потому всего онѣ жили одну недѣлю, и то в одномъ мѣстѣ. А кочуетъ царь не в одномъ мѣсте, переходя по рекамъ и межь горъ; а кочевье зимою и лѣтомъ ровно; а около ево видели людей много, со 100.000, а по сторонамъ, сказываютъ, много же, а людно добрѣ».

«А животина у нихъ: лошеди, кони добрые и середніе, и коровы, и овцы, и олени, и козы, а аргамаковъ нѣтъ. А хлѣба не сѣютъ,—того они и не знаютъ, и нелзя имъ хлѣба сѣяти, потому что горы, и мѣсто каменисто».

«А будучи онѣ в землѣ у Алтына царя, провѣдывали про Китайское и про иные государства, каково которое государство, и каковы в немъ люди, и какова вѣра, и с которыми государствы межь себя в ссылке, и каковъ у которыхъ людей ратной бой. И в роспросе имъ сказали Алтына царя и иныхъ земель люди, что Китайское государьство стоитъ на край губы морскіе, а городъ де кирпичной, великъ: ѣхать около ево на конѣ 10 денъ; а ходу до Китайсково государства отъ Алтына царя мѣсяцъ. А Китайского государства люди имъ про Китайское же государство росказывали, что у нихъ государство великое, а царь у нихъ Тайбынъ, а городъ кирпичной, великъ, а бой де у Китайскихъ у ратныхъ людей пищали и пушки; а подъ Китай де приходятъ моремъ суды великіе на парусехъ, со многими дорогими товары, а ис которыхъ государствъ приходятъ, того имянно не сказали; а на судне де приходятъ человѣкъ по двѣсте и по триста. А платье де Китайскіе люди носятъ з Бухарскіе стати, всякое: бархатное и отласное и камчатое и киндячное и зенденинное. А рѣкъ де болшихъ и горъ х Китайскому государству нѣтъ,

мѣсто пришло ровное; а хлѣбъ в Китайскомъ государстве и [illegible] угодья родятца, того не вѣдаютъ. А ссылаетца де Китайской [illegible] околними со всѣми государи, которые подошли близко ево государство [illegible] войны межь ими ни которые нѣтъ. А вѣра де у нихъ и богомолство [illegible], толко не вѣдаютъ же какая,—подлинно было провѣдать нѣкемъ; а [illegible]колы у нихъ болшіе, и звонъ живетъ; а языкъ какой, того [illegible]даютъ же».

«А за Китайскимъ де государствомъ Китайское государство, [illegible] царь, имя ему Акбырыкъ; а городъ каменой, а ходу до него отъ Китайского государства мѣсяцъ, а отъ Золотово Алтына царя два мѣсяца. [illegible] де у ратныхъ людей пищали и пушки; а в сылке де [illegible] и торговые люди межь ими ходятъ, с Китайскимъ государствомъ [illegible] Алтыномъ царемъ. А про люди и про ихъ вѣру и про богомолство и [illegible] языкъ, и хлѣбъ у нихъ родитца ли или нѣтъ, роспросити было имъ [illegible]ково, про то не вѣдаютъ же».

«Да при нихъ же были в кочевьѣ у Алтына царя Топинского государства люди, и они ихъ про Топинское государство роспрашивали [illegible] И Топинского государства люди имъ сказывали, что в Топинскомъ государстве два царя: одному имя Ишимъ, а другому имя Баатыръ, а городы де подъ ихъ державою каменые и деревяные, а государство де великое же. А говорятъ де про тѣ государства, что то прямая казачья орда; а стоятъ де тѣ государства на востокъ влѣво; а бои де тѣхъ государствъ у ратныхъ людей пищалные же и лучные, и пушки есть; а про городы и про языкъ и про богомолство и про иное свое житье они имъ не сказали».

«Да при нихъ же де были у Золотово Алтына царя Жолтово царя люди, и с ними виделися же; а в роспросе имъ сказали, что царя Жолтова имя Кулачинъ, а городъ у него кирпичной, а у ратныхъ людей бой воинской пищалной и лучной, и пушки есть же. А отъ Китайского государства тотъ Жолтой царь живетъ ближе, поддался к Алтыну царю; а вѣра и языкъ тотъ же, что и у Алтына царя, а хлѣбъ не родитца же».

«Да при нихъ же были у Алтына царя Калканского царя люди, и они тѣхъ Калканскихъ людей роспрашивали же про царя и про ево государ-

ство. И они де имъ сказали, что царь у нихъ Конделечекуръ, а государство у него кочевное,—кочуютъ на верблюдехъ, такъ же, что и Алтынъ царь; вѣра и языкъ тотъ же, что Алтынова; хлѣбъ не родитца же, только одна животина; а поддался блиско Алтына».

«А всѣ тѣ государства межъ себя в ссылке, и в дружбе с Китайскимъ государствомъ, и торговые люди межъ тѣхъ государствъ ходятъ. А стоятъ де они на полуденной сторонѣ, толко одинъ Колканской царь стоитъ на восточной странѣ....» (далѣе идетъ отчетъ въ израсходованіи государевой казны)[1]).

Московское правительство осталось, повидимому, довольно результатами путешествія Василія Тюменца и Ивана Петрова и 18 мая 1617 г. наградило ихъ государевымъ жалованьемъ. Имъ дано было: «по 8 аршинъ камки пѣменкой, цѣна по 5 руб. съ полтиной портище; да двѣ чарки серебрены, одной цѣна 2 р. съ четью, другой 2 руб.; да 2 портища тафты дымчатой широкой, по 4 арш., цѣна по 20 по 3 алт. по 2 деньги арш.; да по 2 портища сукна аглинского, тимовнего, по 4 арш. безъ чети въ портищѣ, цѣна по рублю арш.». Награждены были тафтой и сукнами и остальные участники путешествія[1]).

Нѣсколько позднѣе, въ іюлѣ того же 1617 г., Иванъ Петровъ, по его челобитью, былъ даже пожалованъ въ дѣти боярскія на Тюмень,

1) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ, дѣла Монгольскія, дѣло 10 мая 1616 г.: Отправленіе изъ Москвы къ Мунгальскому царю Алтыну въ посланіе Тарскаго города атамана Василья Тюменца и десятника Ивана Петрова.—Ср. въ этомъ же дѣлѣ разспросныя рѣчи Василія Тюменца и Ивана Петрова въ Тобольскѣ, а также въ бумагахъ Миллера Ак. Н. (Томск. Арх., I, № 40, лл. 51—54 об.) разспросныя рѣчи ихъ въ Томскѣ.—Ср. Фишеръ. Сибирская исторія, I, стр. 253—264.

2) И. Забѣлинъ. Дополненія къ дворц. разрядамъ, I, 104—105 (Чт. М. О. И. и Др., 1882 г., I). Казакамъ Васькѣ Обросимову Струхнѣ и Богдашку Григорьеву Токарю, кромѣ того, въ августѣ 1617 г. было прибавлено, въ награду за ту же службу, жалованья: къ денежному окладу по рублю, а къ хлѣбному—по четверти ржи и по четверти овса (Бум. Миллера Ак. Н., Тюменск. Арх., I, № 50, л. 64 об.). Не былъ награжденъ только казакъ Тимошка Ивановъ, такъ какъ на обратномъ пути отъ Алтына царя онъ въ Томскѣ заболѣлъ и въ Москву не пріѣзжалъ. Впослѣдствіи онъ тоже обращался съ просьбою о награжденіи, выставляя особенною заслугою то, что трижды стрѣлялъ передъ царемъ Алтыномъ изъ пищали, попадая въ цѣль, и тѣмъ государеву имени «славно учинялъ», такъ какъ Золотой царь съ своими людьми удивился его искусству и похвалилъ государевъ пищальный бой (Бум. Миллера Ак. Н., Томск. Арх., I, № 49, лл. 61—65 об.).

такъ какъ, кромѣ посольства къ Алтыну царю, онъ служилъ [illegible] «службы зимніе и лѣтніе тритцать лет, и въ посылки [illegible] по многіе, и на многихъ боехъ раненъ бывалъ, и языки имывалъ». Денежнаго жалованья опредѣлено было ему 10 рублей, а хлѣбнаго — 12 чети ржи и по 2 чети съ осминою крупъ и толокна[1]). Вскорѣ тотъ же былъ возведенъ въ дѣти боярскія и Василій Тюменецъ по крайней мѣрѣ, въ 1629 г., въ челобитьѣ Рязанскаго безпомѣстнаго боярскаго сына Евстя Никифорова Поливанова о поверстаніи его въ Тюменя на вымороченое мѣсто Василія Тюменца, послѣдній называется боярскимъ сыномъ Тюменцовымъ[2]). Изъ Тюмени онъ былъ переведенъ въ Енисейскъ и оттуда въ 1625 г. посылался вверхъ по Бирѣ рѣкѣ, къ Тунгусскому князьку Тасѣйкѣ,—сказать, что тотъ «збылъ къ себѣ государеву милость и свою правду и шерть»[3]).

Изъ Москвы въ обратный путь Монгольскіе послы отпущены были 3 августа 1617 г. Провожать ихъ поручено было тому же казаку Денису Низовцеву, который ѣхалъ съ ними до Москвы. Государевой грамотою предписано было давать имъ корму: «посломъ тремъ человѣкомъ по два хлеба, по два калача двуденежныхъ человѣку на день, людемъ ихъ по три хлеба денежныхъ, да всемъ—утя, туша баранья, пятнатцать чаръ вина горячева, ведро меду, два ведра пива на день, да на соль и крупы и на сметану и на масло и на свечи всемъ—восемь денегъ на день».

1) Бум. Миллера Ак. Н., Тюменск. Арх., I, № 49, лл. 64 об.—65. Онъ явился, повидимому, родоначальникомъ на Сибири дворянской фамиліи Текутьевыхъ. Тюменскій боярскій сынъ Иванъ Текутьевъ въ 1688 г. былъ временнымъ воеводою въ Туринскѣ; Тюменскій боярскій сынъ Иванъ Титовъ Текутьевъ въ 1703 г. переписывалъ Кунгурскій уѣздъ; въ 1701 г. упоминается Тюменскій боярскій сынъ Василій Петровъ Текутьевъ; боярскій сынъ Степанъ Текутьевъ составлялъ въ 1697 г. Тюменскую дозорную книгу и въ 1700 г. былъ полуголовой. Н. Оглоблинъ. Обозрѣніе столбцовъ и книгъ Сибирскаго приказа, I, 22. 55, 187, 298, 358—359, 63, 110; III, 11; IV, 39 (Чт. М. О. И. и Др., 1895 г., II. 1900 г., III; 1902 г., I). Въ *Алфавитномъ указателѣ фамилій и лицъ, упоминаемыхъ въ Боярскихъ книгахъ* (М. 1853) значится (стр. 407) Михаилъ Васильевичъ Текутьевъ, стряпчій въ 1682—1692 гг.

2) Н. Оглоблинъ. Обозрѣніе столбцовъ, III, 129—130 (Чт. М. О. И. и Др., 1900 г., III).

3) Бум. Миллера Ак. Н., Енисейск. Арх., I, № 4, стр. 5; № 18, стр. 24.

вѣтѣ съ послами возвратились въ Сибирь и Василій Тюменецъ съ Иваномъ Петровымъ[1]).

Пріѣздъ въ Москву Алтынковыхъ пословъ былъ понятъ русскими властями, какъ изъявленіе подданства Алтына царя, и потому Томскіе воеводы О. В. Бобарыкинъ и Г. Ю. Хрипуновъ 8 марта 1618 г. писали Кузнецкому головѣ Остафью Харламову, извѣщая его объ этомъ, слѣдующее: «Алтынъ царь и Киргискіе люди подъ государевою высокою рукою быти хотятъ, и ясакъ Киргискіе люди государю даютъ, и тебѣ объ про то было вѣдомо, и по всѣхъ Кузнецкихъ волостяхъ государевымъ ясачнымъ людемъ всѣмъ вѣдомо учинить, что Алтынъ царь, и со всеми своими улусы, и Киргискіе люди всѣ —подъ государевою царьскою высокою рукою; и Кузнецкихъ бы волостей люди были на государьскую милость готовы, а Алтынковыхъ и Киргискихъ людей ни в чемъ не слушали и ясаку с своя ничего имъ не давали и ихъ не боялись, а были бъ Кузнецкихъ и инѣхъ всѣхъ волостей люди подъ государевою царьскою высокою рукою безотступно»[2]).

Въ Томскъ послы прибыли 28 февраля 1618 г. Здѣсь имъ пришлось прожить до 9 мая, такъ какъ только тогда могло отправиться снаряженное въ Китай посольство, съ которымъ они должны были ѣхать до своихъ кочевьевъ. Какъ выше было упомянуто, посольство это Тобольскій воевода кн. П. С. Куракинъ предполагалъ послать еще въ предыдущемъ 1617 г., когда послы Алтына царя направлялись въ Москву: 6 апрѣля 1617 г. онъ писалъ Томскимъ воеводамъ, что отправляетъ въ Китай посломъ боярскаго сына Максима Трубчининова, а съ нимъ 7 человѣкъ Тобольскихъ служилыхъ людей и вортовыхъ татаръ. Въ Томскѣ Максимъ Трубчининовъ долженъ былъ взять государеву казну, оставшуюся отъ посольства Василія Тюменца и Ивана Петрова, а Томскіе воеводы обязаны были дать ему изъ своихъ служилыхъ людей четырехъ человѣкъ и «толмача служивого человѣка Ивашка Петлина», съ денежнымъ жалованьемъ на два года, съ тѣмъ чтобы двое изъ этихъ служилыхъ людей шли

1) Бум. Миллера Ак. Н., Турухан. Арх., I, № 121, лл. 131—132, царская грамота 5 авг. 1617 г.

2) Бум. Миллера Ак. Н., Томск. Арх., I, № 54, л. 69.

до самого Китая, а двое возвратились отъ Алтына царя назадъ, съ [illegible] о путешествіи[1]). Но посольство это тогда не было отправлено, — вѣроятно, потому, что Иванъ Петлинъ 4 февраля того же года былъ посланъ, съ двумя другими Томскими казаками, въ Бѣлые Калмыки, къ князю Обаку,—звать его и его лучшихъ мурзъ въ Томскъ, къ «царскому жалованью»[2]). Теперь, въ 1618 г., во главѣ посольства становится именно этотъ Томскій казакъ Иванъ Петлинъ, человѣкъ, видимо, грамотный и знавшій мѣстные инородческіе языки, такъ какъ онъ былъ до этого времени толмачемъ. Съ нимъ поѣхали казаки Андрюшка Мудовъ (Муидовъ) и Патунька Кизыловъ[3]).

Иванъ Петлинъ, вмѣстѣ съ послами Алтына царя, выѣхалъ изъ Томска 9 мая 1618 г. и послѣ 1 сентября того же года достигъ столицы Китая, куда его провожали люди Алтына царя и князя Тургака и Биликта[4]). 11 октября того же года онъ пустился уже въ обратный путь и весной 1619 г., о Троицынъ днѣ, возвратился въ Томскъ. Маршрутъ его кратко описанъ былъ имъ самимъ 23 сентября того же года, на государевомъ стану на Солдогѣ, слѣдующимъ образомъ:

«В прошломъ во 126-мъ году послалъ ево да товарыща его казаки Ондрюшку Мудова изъ Томского города боярин и воевода князь Иванъ Семеновичъ Куракинъ, провожать пословъ, что присланы ко государю отъ Алтына царя, и провѣдать велѣлъ имъ про Китайское государство. И они поѣхали изъ Томского города о Николине дни вешнемъ, а ѣхали изъ Томы на Киргизъ, а Киргизъ отъ Томы 10 день ходу скорымъ обычаемъ. А в Киргизе князекъ Немѣй, подъ государевою царскою высокою рукою, кормъ имъ и подводы далъ, и они шли Киргискою землею половину дня и пришли в Мутолское государство, гдѣ царствуетъ Алтынъ царь, и

1) Бум. Миллера Ак. Н., Томск. Арх., I, № 38, лл. 48 об.—49.

2) Тамъ же, № 9, л. 14 и об.

3) Въ 1614 г. 25 ноября, этотъ Патунька Кизыловъ (Кизылъ) былъ пожалованъ четырьмя аршинами безъ четверти «сукна настафьюю лазоревого, цѣна 2 рубли съ четью», за то, что «сыскалъ въ Сибири, въ Томскомъ городѣ, желѣзную руду и каменье». И. Забѣлинъ. Дополн. къ дворц. разр., I, 356 (Чт. М. О. И. и Др., 1862 г., III).

4) См. ниже, грамоту царя Алтына.

у Алтына царя были. И Алтынъ царь имъ подводы и кормъ далъ и отпустилъ. И шли они Алтыновою землею до Широмугалскіе земли, гдѣ царствуетъ царица Манчика, пять недѣль, и у царицы Манчики были, и царица имъ велѣла дать кормъ и подводы. И шли они Широмугалскою землею 4 дни, и пришли онѣ в Китайское государство, словетъ Крымъ, зделана стѣна камѣная, в вышину саженъ съ 15. И шли они подлѣ той стѣны с приходу 10 денъ, а подлѣ стѣны сидятъ села и деревни Манчики царицы, и в ту десеть денъ, идучи, на стенѣ никово не видали. И пріѣхали в ворота, и в воротѣхъ стоятъ пищали велики, а ядро в нихъ з голову человѣчью, и людей в воротѣхъ много, съ 3000 человѣкъ. А пріѣзжаютъ к воротамъ торговать с товары Алтыновы люди, да пріѣзжаютъ к тѣмъ же воротамъ с лошедми и торгуютъ с Китайскими людми, а за стену Алтыновыхъ людей пущаютъ не много. И всего шли отъ Томи до воротъ, опричь простойныхъ дней, 12 недѣль; а отъ воротъ шли по городомъ до болшого до Китайского города 10 денъ и пришли в Китайской городъ после Семеня дни. И поставили ихъ на болшомъ на посолскомъ дворѣ, и были они в Китае городе 4 дни. И пріѣзжалъ к нимъ на дворъ дьякъ, а с нимъ по 200 человѣкъ на ишекахъ, а люди нарядны, и ихъ подчивалъ романѣею и всякими заморскими питьями и говорилъ: «прислалъ де к вамъ царь Тайбунъ, а велѣлъ васъ спросить, для чего естя в Китайское государство пришли». И онѣ де ему сказали, что великій государь царь и великій князь Михайло Ѳедоровичь всеа Русіи прислалъ ихъ Китайское государство провѣдать и царя видеть; и онъ имъ сказалъ, что имъ царя видѣть без поминковъ нелзя, и далъ имъ грамоту, и они ту грамоту привезли в Тоболескъ, и ис Тоболска та грамота прислана к государю с ними. А пошли онѣ ис Китайского государства после Покрова святые Богородицы десять дней спустя и пришли в Томской городъ тово жь году о Троицыне дни»[1]).

Въ Москвѣ Иванъ Петлинъ далъ слѣдующую подробную

1) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ, дѣла Монгольскія, дѣло 1618 г.: Отписка изъ Тобольска отъ воеводъ, съ приложеніемъ статейн. списка сибирскаго казака Ивана Петлина.

Роспись Китайскому государству и Лобинскому и инымъ государствамъ, жилымъ и кочевнымъ, и улусамъ, и великой Оби, и рекамъ, и дорогамъ.

«Отъ Киргизъ до реки Абакана 6 денъ езду; а от Обакана до реки до Кимчика 9 денъ езду; а отъ Кимчика до большова озера, где Иванъ Петровъ сказывалъ, в коемъ озере самоцветенъ камень, 3 дни езду; а кругомъ тово озера 12 денъ езду конемъ. Да в то же озеро 4 реки впали: река со встука, река с полудень, река зъ западу, река съ сивера, а все 4 реки[1])... реку текутъ в озеро, а в озере воды не прибываетъ ни убываетъ. Да в то же озеро река впала промежи встоку и сивера, а имя той реке Кесь; а ходу по той реке от озера до вершины, где царя Алтына сошлись с кочевьемъ, 15 денъ, а дорога все итти по каменю».

«А отъ царя Алтына итти до улуса 5 денъ; улусъ зовутъ [illegible], а князь в немъ Тормошинъ. А отъ Тормошина улуса ехати до улуса 5 день Чекуркушу, а князь в немъ Каракула. А отъ Каракулина улуса ехати до улуса 5 денъ, а улусъ зовутъ Сулдусъ, а в нѣмъ царь Часакты. А отъ царя Часакты ехати до улуса 5 денъ, а улусъ зовутъ Бисутъ, а в немъ князь Чиченъ. А отъ Чиченева ехати до улуса 5 денъ, а улусъ зовутъ Илчигинъ, а в немъ князь Тайчинъ-Черекту. А отъ Черектина улуса ехати до улуса 5 денъ, а улусъ зовутъ Бешутъ, а в немъ князь Чекуръ. А отъ Чекурова улуса ехати до улуса 4 дни езды, а улусъ зовутъ Гирютъ, а в немъ князь Чечень-Ноянъ. А отъ Чеченева улуса ехати до улуса 4 дни, а улусъ зовутъ Тулакъ-Туматъ, а в немъ князь Тайку-Катунъ. А отъ Тайкина улуса ехати 3 дни до улуса, а зовутъ Югурчинъ, а в немъ царь Бушукту. А отъ царя Бушукты ехати до улуса 2 дни, до Желтыхъ Мугаловъ, а улусъ зовутъ Муголчинъ, а в немъ княиня Манчикатутъ да сынъ ее Ончунъ-тайчи. А не дошедъ до Мугалской земли за два дни, итти щилью промежь камени: страсти изымутъ! А не щили выедешь в Мугалскую землю, а на выезде ис щели 2 города Мугалскихъ каменныхъ, имя городемъ Байшинъ; а в одномъ городе воевода князь Тау-тайша, а в другомъ городе воевода

1) Далѣе слово не разобрано («слиясь в»?). Въ спискѣ, издан. А. Н. Поповымъ: «смѣсью».

князь Онбой-тайша. А третей городъ в Мугалской земле Лобунской, каменной же, а воеводитъ в нѣмъ женщина, имя ей княиня Манчикатутъ, да сынъ ее князь Ончинъ-тайчи. А та княиня Манчикатутъ указываетъ в Мугалской земли во всемъ, по всемъ городамъ; и в Китайскіе городы будетъ отъ нѣе грамота, и печать ее хто привезетъ к рубежу, ино за рубежь и пустятъ в Китайскую землю, а грамоты отъ нѣе нѣтъ с печатью, ино отъ роду за рубежъ в Китайскую землю нѣ пустятъ».

«А земля Мугалская велика, долга и широка: отъ Бухаръ и до моря. А городы в Мугалской земле деланы на четыре углы, по угламъ башни; а с ысподе у города кладенъ камень серой, а к верху кладено кирпичемъ. А у воротъ городовыхъ своды так же, что у рускихъ городовъ; а на воротехъ на башне колоколъ медяной вестовой, пудовъ въ дватцать, а башня крыта образцами кирпишными. А дворы в Мугалской земле кирпишны, деланы на четыре углы, ограда кругомъ двора высоко; а на дворехъ полаты кирпишные, а не высоки; а подволоки у полатъ выписано травами, красками розными; а украшены полаты различными краски: не хочетца из полаты вонъ ити».

«Да в той же Мугалской земле стоятъ два храма Лобинскіе кирпишные, какъ делаютъ храмы клинчатые; а стоятъ храмы дверми промежу встоку и полдни; а на храмехъ крестовъ нѣтъ: стоятъ на храмехъ ни висть какіе звири каменные. А во храмехъ неизреченное диво: какъ лизешь во храмъ, противо дверей седятъ три болвана великіе женскои, по сажени по полутретье; болваны вызолочены сусалнымъ золотомъ з головы и до ногъ, а кд(ѣ) высоко в сажень, на зверяхъ на каменныхъ, а звири всякими образы, выкрашены красками. А в рукахъ держатъ болваны по горшечку с кашею, а передъ ними горятъ свечи неугасимыя с саломъ з говяжьимъ. А на правой стороне во храму стоятъ восмь болвановъ муской полъ, а на левой стороне стоятъ восмь же болвановъ все девки, вызолочены з головы и до ногъ, а руки протянули, что поклонитца хотятъ, какъ кланяются Мугалскіе люди лобамъ. А по сторонь трехъ болвановъ стоятъ два болвана нагихъ, какъ быть человѣкъ в теле: не розпознаешь издале, что тело или глина,— какъ быть живъ. А свечи тонки, что солома, а горятъ углемъ безъ огню.

А поютъ в техъ храмахъ две трубы великіе, сажени по полуторе труба. Какъ затрубятъ в трубы, да станутъ бить в бубенцы, да припадутъ на коленцы, да руками сплеснутъ, да розхватятъ руки, да ударятца о середу, да на середе лежатъ с полчаса; а в те поры во храмъ лести, какъ поютъ,—страхъ великъ человѣка возметъ: неизреченно диво во храмехъ! А крыты те храмы образцами кирпишными».

«А хлѣбъ в Мугалской землѣ родитца всякой: просо, и пшеница, и овесъ, и ячмень, а ныхъ семянъ всякихъ много, а мы не знаемъ, а в колачахъ бело—что снегъ. А овощи в Мугалской земле всякіе: сады яблонные, и дыни, и арбузы, и тыква, и вишни, и лимоны, и огурцы, и лукъ, и чеснокъ. А люди муской полъ в Мугалской земле не чистъ, а женской полъ чистъ добре; а платье носятъ по своей вере хорошо: бархатное и камчатое, а ожерелья у каотановъ у мущинъ и у женщинъ болшіе по плечамъ. А вино курятъ в Мугалской земле не хлѣба изо всяково, а безъ хмелю. А каменья дорогово нѣтъ, а жемчюгъ недоброй в Мугалской земле есть; а золота нетъ, а серебра много, а идетъ серебро не Китаю. А сапоги носятъ своимъ образцомъ. А лошадей добрыхъ в Мугалской земле нѣтъ, катырей и ишечишковъ много. А орютъ плугомъ, сохи, такъ же, что у Тоболскихъ тотаръ; а бороны уски, а долги».

«А кутуота у нихъ—то по нашему патріархъ, а у нихъ кутуота; а толко два кутуоты: одинъ лѣтъ въ дватцать, а другой кутуота лѣтъ в тритцать, молоды оба, нѣтъ ни уса ни бороды. А во храму имъ зделано место: во храмъ придутъ да и сядутъ по местамъ; а по ихъ вере цари кутуотамъ поклоняютца. А то солгано, что кутуота умеръ да в земле лежалъ пять лѣтъ, да и опѣть ожилъ,—то враки Ивана Петрова: человѣкъ де умретъ, да какъ де опѣть оживетъ? А лоба по таму—что у насъ старцы, а у нихъ то лоба; а постригаютца маленки, лѣтъ в десять, а плоду женсково не знаютъ отъ матери, а бороды и усы бреютъ и щиплютъ, а ходятъ без штановъ, а мясо ѣдятъ по вся дни; а манатьи на нихъ камчатые, камки розные цветы, а боры у манатѣй—что у нашихъ старцовъ, а клобуки у нихъ желтые. А говорятъ такъ: «ваша де вера одна с нашею была, а старцы де ваши черны, а мы де старцы белые; да не ведаемъ, какъ наша вера отъ вашіе отскочила».

«За Мугалскою землею к Бухарамъ три государства: государство Ортуское, а царь в нѣмъ Юнокачь, а городъ, сказываютъ, каменной, и царьство де богато; да государство Тангуцкое, а царь в нѣмъ Суланчинъ, а городъ, сказываютъ, каменной, и царство де богато всемъ; да государство городъ Шаръ, а царь в нѣмъ Темиръ, царьство де, сказываютъ, богато, а отъ Бухаръ де недалеко; а ис тово де государства отъ Железново царя идетъ в Китайское государство алмазъ. А те государства три—подъ полдень».

«А по другую сторону Черныхъ Мугаловъ жывутъ Желтые Мугалы, и до моря, городовые и кочевные».

«А отъ Мугалской земли, отъ Манчикатучина города, до Китайсково Крыму, до рубежа, ѣзду конемъ 2 дни; а рубежная сторона пошла пот полдень, к Бухаромъ, два мѣсеца до Обдоры царя. А городъ у Обдоры царя деревянной, а государство де велико и богато. А другой конецъ пошелъ на встокъ, до моря, четыре мѣсяца. А стена ведена кирпишная, а мы сочли по рубежной стенѣ башенъ со сто, по обоимъ концамъ, а к морю и к Бухарамъ башнямъ, сказываютъ, и числа нетъ; а башня отъ башни стоитъ по стрелбищу. И мы у Китайскихъ людей роспрашивали: для чево та стена ведена отъ моря и до Бухаръ, а башни на стене стоятъ часто? и Китайскіе люди намъ сказали: «та де стена ведена отъ моря и до Бухаръ потому, что де 2 земли: земля де Китайская, а другая де земля Мугалская,—ино де промежу земель рубежъ; а башни де потому часто стоятъ на стене: какъ де придутъ какіе воинскіе люди подъ рубежъ, и мы де на техъ башняхъ зажигаемъ огни, чтобы де люди сходилися наши по местамъ, гдѣ чье место, по стене и по башнямъ». А с приходу к рубежу живутъ обь стену Черные Мугалы, а за рубежомъ земля и городы Китайскіе. А скрозь ту стену рубежа в Китайской городъ в Широкалгу пятеры ворота, ниски и уски, — на коне наклоняся проедешь. А окроме техъ воротъ у рубежа на стене в Китайское государство воротъ нетъ: изо всехъ государствъ ездятъ в те в одны ворота, в городъ Широкалгу».

«А за рубежомъ объ стену стоитъ городъ Китайской каменной, имя городу Широкалга, а воевода в нѣмъ князь Шубинъ, посланъ отъ царя Тамбуна на время. А городъ высокъ и хорошъ и мудренъ

деломъ, а башни такъ же что Московскіе, высоки, а в окнахъ пушки стоятъ, и по воротамъ пушки же, а пушки коротки; и мелково оружія много, и караулы по воротамъ и по башнямъ и по стенамъ. А какъ солнышко за лесъ сядетъ, и караулщики ис трехъ пищалей выстрелятъ трожды зушно, да станутъ бить по литаврамъ, біютъ часа ночи три, да перестанутъ бить, да опять выстрилятъ трожды на утряной горе, а города не отпираютъ часовъ до шти дни. А в городе лавки каменные, выкрашаны красками, всякими травами выписаны. А товары в лавкахъ всякіе, кроме суконъ, и каменья дорогово нетъ, а бархатовъ и камокъ и дороговъ и таетъ и камокъ на золоте и с медью много всякихъ цветовъ, и всякихъ овощей и сахаровъ розныхъ,—и гвоздики, и корицы, и анису, и яблоковъ, и арбузовъ, и дынѣй, и тыковъ, и огурцовъ, и чесноку, и луку, и ретки, и моркови, и посторнаку, и репы, и капусты, и маку, и мушкату, и оьялки, и миндалныхъ ядеръ, и ревень есть, а нынѣ овощей мы и нѣ знаемъ какіе. А ряды в городе со всякими товарами, и лобазны с харчами, и кабаки; а на кабакахъ питья всякія розные, а ярыжныхъ и поблядушокъ по кабакамъ много. А тюрмы каменные, стоятъ по дорогамъ; а за татбу у нихъ вешаютъ татей, а за разбой на колъ сажаютъ и головы секутъ, а за проторь руки секутъ».

«А отъ Ширгикалги до Китайскаго же города до Широ день езду. Городъ каменной, высокъ и великъ: кругомъ, сказываютъ, езду день. А башенъ на немъ двенатцать, а на башняхъ по окнамъ пушки и по воротамъ, и мелково оружія по воротамъ много, и караулы стоятъ по воротамъ и по башнямъ день и ночь. А с приезду у тово города пятеры ворота в городъ, а ворота широки и высоки, а затворы у воротъ железные,—часто гвоздіемъ убито, и пушки в воротахъ стоятъ, и ядеръ пушешныхъ каменныхъ много. А отъ воротъ до воротъ черезъ городъ половина дни ходу. А воевода в томъ городе князь Санчинъ, отъ Табуна же царя посланъ на время. А в томъ городе торги тово силніе, со всякими товары, и с овощи и с харчи,—по утру не продерешься промежу людей. А посолскіе дворы за городомъ, каменные. А колодезя кладеные каменемъ серымъ, а на верху у колодезя кругомъ обито медью колоколною. А тотъ городъ тово краше и хорошіе, украшенъ всякими узорочьи и мудростими. А на воеводцкомъ дворе караулъ с протазаны и с кала-

берды; а набаты у нихъ—что наши бочки. А куды воевода Санчинъ поедетъ, и надъ нимъ держатъ солнишникъ таетаной, таета желтая».

«А отъ Шяро города до Китайскаго же города до Яру 3 дни езду. Городъ каменной, великъ и высокъ; а, сказываютъ, кругомъ тово города езду полтора дни. А башенъ на томъ городѣ много; а с пріезду у тово города четверы ворота, а по башнямъ и по воротамъ пушки и мелкое оружіе и караулы, что в первыхъ городехъ, и ядра пушешные каменные,—ядро поболше головы человѣка. А ворота городовые широки и высоки, а затворы у воротъ такъ же желѣзные, выбиты гвоздіемъ часто. А ряды в городѣ тово силніе, со всякими товары, и с овощи, и с харчи; а в городе пустово места нѣтъ: все дворы и лавки каменные; перекрестьки также в редехъ. А воеводы в томъ городе князь Бимбя да князь Оучанъ. А языкъ у нихъ такъ же, что у насъ. А в рядъ войдешь, ино мнѣ уподобишься»[1]).

«А отъ Яру города до Тайты города 3 дни езду. А городъ каменной, великъ и высокъ; а, сказываютъ, кругомъ тово города 2 дни езду. А с пріезду у тово города пятеры ворота в городъ, а ворота широки и высоки, а затворы у воротъ железные, гвоздіемъ часто убито. А дворы и лавки в городе все каменные, а товару в лавкахъ тѣхъ городовъ болше, и всякихъ овощей много; и кабаковъ с виномъ и с медомъ и з заморскими питьями много. А по воротамъ тоже и по башнямъ пушки, и пушешные ядра, и караулы. А воеводы в томъ городе: князь Тойванъ, да князъ Туе, да князь Зунья; а куды те воеводы поедутъ, и передъ ними бежатъ батожниковъ з двадцать, а надъ ними несутъ солнишники таетяные желтые. А людей в томъ городе тѣхъ городовъ силніе, и узорочья всяково и овощей всякихъ много, и пѣшепа сорочинсково много».

«А отъ Тайты города до Белово города 2 дни езду. А городъ каменной, белъ—что снегъ, потому словетъ Белъ городъ; а городъ великъ и высокъ; а, сказываютъ, кругомъ тово города 3 дни езду. А с пріезду к тому городу в городъ три ворота подъ одну башню, а ворота высоки и широки, а затворы у воротъ железо луженое, а гвоздіе черное, выбито

1) Такъ въ рукописи. Въ спискѣ, изданномъ А. Н. Поповымъ: «а въ ряды «зашедъ ино мнѣ слышать».

часто; а пушки по башнямъ и по воротамъ болше, и ядра пушешные, пуда по два ядро. А лавки в городе отъ воротъ до воротъ, а промежу лавокъ улицы, кладены каменемъ серымъ, а лавки и дворы все каменные; а передъ лавками решетки деревяные, выкрашены всякими красками. и на лавкахъ избы каменные. Крыты лавки и полаты образцами кирпишными, а подволоки в избахъ и у полатъ всякими красками выкрашены, и (образы?) выписаны на толстой бумаге, а подклеиваютъ подъ образы камки и бархаты. А во храмехъ у нихъ образы деланы глянцяные да вызолочены з головы и до ногъ сусальнымъ золотомъ,—страсти отъ нихъ возмутъ! А во храмъ смотрить пущаютъ всякихъ людей. Да пишетъ мне, какъ на соруженіе храму збираютъ в Беломъ городе: ходятъ три человѣка по рядамъ; два человѣка постукиваютъ палочками в колоколецъ в деревяной, а третей человѣкъ образъ носитъ за плечми да также в колоколецъ постукиваетъ, а образъ великъ и широкъ. А у образовъ подписи нетъ, а образы писаны мудрены. Да в томъ же городе видели попугаевъ и карлъ, и соколы соколники носятъ. И тотъ Белъ городъ тѣхъ городовъ всякими товары и узорочьи и овощами и харчами насыпанъ. А воеводы в томъ городе князь Тойванъ да князь Сулинъ. А воеводы пойдутъ ко храму или куды гулять,—и передъ ними идетъ человѣкъ з двадцать с протазаны и с колобарды, а батожниковъ человѣкъ с тридцать, а надъ воеводами несутъ солнишники великіе, камки желтая, а говорятъ такъ: «окъ, окъ»! Да в томъ же городе 4 кабака большихъ».

«А отъ Белово города до большево Китаю ходу 2 дни, где самъ царь Тайбунъ живетъ. Городъ великъ добре, каменной; белъ—что снегъ; а стоитъ городъ на четыре углы, а кругомъ езду 4 дни. А по угламъ стоятъ великіе и высокіе башни,—белы, что снегъ; а посередь стенъ стоятъ башни же велики и высоки и белы—что снегъ, с подзоры, с красными и с лазоревыми и с желтыми. А на башняхъ по окнахъ стоятъ пушки; и по воротамъ пушки и ядра, и караулы по воротамъ, человѣкъ по двадцати. Да в томъ же большемъ Китае Беломъ городе стоитъ Магнитовой городъ, где самъ царь Тайбунъ живетъ; а отъ стены, сказываютъ, идти отъ большово Китаю отъ Белыя города, улицею каменною, полдница. А по обѣимъ сторонамъ улицы лавки каменные со всякими товары до Магнитовово города; а улица слана серыхъ каменемъ,

а на лавкахъ избы каменные, а передъ лавками решетки деревянные, выкрашены всякими красками. А городъ Магнитовой, где царь Тайбунъ живетъ, украшенъ де всякими узорочьи и мудростьми; а дворъ царьской стоитъ середи города Магнитовово, а у полатъ верхи вызолочены. А мы у царя Тайбуна не были и царя не видали, потому что итти ко царю не с чемъ. «А у насъ де в Китайскомъ государстве чинъ таковъ: безъ поминковъ передъ царя нашево Тайбуна не ходятъ. Хотя бы с вами, первыми послами, царь Белой послалъ нашему царю Тайбуну что не великое: не то дорого, что поминки,—то дорого, что Белой царь ко царю дары послалъ,—ино бы де нашъ царь вашему царю с своими послами противо такъ же послалъ, да и васъ бы де пословъ пожаловалъ да отпустилъ, и на очи бы де свои пустилъ; толко де царь нашъ дастъ вамъ грамоту к вашему царю». А городъ Китайской, где царь Тайбунъ живетъ, стоитъ на ровномъ месте; а кругомъ его река, имя реке Юхо,—в море в Черное впала».

«А до моря отъ болшево Китая, сказываютъ, 7 денъ, а карабли де подъ Китай подъ болшей подъ стену не ходятъ за семъ денъ; ходятъ де подъ Китай въ малыхъ судахъ, в шпякахъ, с товары, а те товары царь Тайбунъ росылаетъ по всемъ Китайскимъ городамъ. А ис Китайскихъ городовъ тотъ товаръ пойдетъ за рубежъ, в Мугалскую землю к Алтыну царю, и в Черные Калмаки, и в ыные во многіе государства и в улусы, к Железному царю в Шаръ городъ, подъ Бухары. А отъ рубежа с темъ товаромъ ездятъ из Ортурсково государства, кутуеты и лобы, и ис Китайсково, и изъ Желтыхъ Мугаловъ, отъ Манчикатуто, Китайскіе люди и Манчинакатутины люди со всякими товары: з бархаты и с отласы, и с камками, и серебромъ и з барсы, и с ырбизы, и с черными зенденми, да покупаютъ на тотъ товаръ лошади; а лошади идутъ в Китайское государство, а ис Китайсково идутъ за море в Манцы, а по нашему — Немцы. А серебро у нихъ крицами: крица по пятидесятъ рублевъ и по два рубля и по три; по нашему—рубль, а по ихъ—лянъ».

«А люди в Китайскомъ муской полъ и женской чистъ, а платье носятъ своимъ обрасцомъ: рукава широки, что у литника, а под ысподомъ полукаетанье по нашему. А люди в Китайскомъ государстве не

воинскіе: болшой ихъ промыслъ торги силные, а к бою торопливы; сказывали имъ, что до нихъ не долго взяли у нихъ Мугалскіе люди, пришедъ оманомъ, два города. Да имъ же в Китайскомъ сказывали: «есть де у нашего царя ирдени,—ночью светитъ, что солнцо», по ихъ—сара, а по нашему—самоцветъ камень. «А другой де есть ирдени: отъ нево вода роступаитца».

«Да намъ же сказалъ в роспросе Китайской потьячей Бичечи: «изъ заморья де к намъ прибегаютъ Манцы на караблехъ по всякой годъ с товары, а Манцы де к намъ прибегаютъ с Черново моря, со встоку и с полудни».

«Да намъ же в роспросе сказывалъ в Калге брацкой тотаринъ Куштакъ про Обь великую реку: «Есть де река Караталъ, велика, а по той де Каратале кочюютъ улусы Калга; а на вершину на ту реку на Караталъ прикочевываетъ Алтынъ царь своимъ улусомъ. А та де река Караталъ впала в ту Обь великую, а у тое де мы у великіе реки вершины и устья не вѣдаемъ: выпала де она изъ моря изъ Черново да и опять впала в море Чермное, промежу сѣвера и встоку. А отъ Каратала де по той рѣке стоятъ два города каменные да деревня брацкіе земли жылыя, а на низъ пошли улусы кочевные брацкіе же. А изъ за той де великіе реки пріѣжаютъ к намъ Манцы со всякимъ товаромъ, меняютъ де с нами и с Саяны на оленьи кожы и на лосины и на соболи и на бобры, а нам де даютъ противо камки и бархаты и таеты и зендени черные, да и назадъ де за ту реку поѣдутъ. Да слышылъ де я у своихъ людей у брацкихъ: бежало судно велико снизу, а на томъ де суднѣ высоко ни вѣсть што бѣло; да набежало де на песокъ, такъ де ево и розбило; и мы де такова судна велика и хороша на той рекѣ не видали ни слыхали, а тово де мы не вѣдаемъ, куды то судно шло,—в Китай или в ыную землю; а Китай де отъ насъ по той рекѣ блиско» [1]).

---

1) Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ, дѣла Монгольскія, дѣло 1618 г.: Отписка изъ Тобольска отъ воеводъ, съ приложеніемъ статейнаго списка Ив. Петлина.—Послѣ слова «блиско» въ этой Росписи стоитъ: *діакъ Поповъ Булычевъ*—окончаніе скрѣпы по склейкамъ столбца. Не были ли приняты какимъ нибудь переписчикомъ эти слова за подпись автора Росписи, и не произошла ли затѣмъ, вслѣдствіе искаженія, изъ фамиліи «Булычевъ» фамилія *Ялычевъ*,—того Бур-

Отъ Китайскаго богдыхана Петлинъ получилъ грамоту къ русскому царю, а отъ Алтына царя, отъ Лабинскаго государства и отъ Киргизскихъ князей былъ, на возвратномъ пути его, отправленъ съ нимъ вмѣстѣ посломъ провожавшій его въ Китай лаба Тарханъ съ товарищами, всѣхъ 12 человѣкъ. Когда послы пришли въ Тобольскъ, кн. Куракинъ сначала отпустилъ въ Москву Ивана Петлина и Пятуньку Кызылова, а послѣ нихъ, 6 іюля 1619 г., отправилъ туда же и пословъ, давъ имъ въ приставы казака Бурнаша Никонова, провожавшаго и первое Алтыново посольство. Иванъ Петлинъ повезъ съ собою подлинную грамоту Китайскаго царя, перевести которую въ Тобольскѣ никто не могъ, и переводъ съ грамоты царя Алтына, находившейся у лабы Тархана[1]). Дорогою послы догнали Ивана Петлина съ Пятунькой Кызыловымъ, такъ что въ Нижній Новгородъ пріѣхали всѣ вмѣстѣ. Здѣсь посольству неожиданно пришлось познакомиться съ Московскою подозрительностью и волокитою. Изъ Нижняго пословъ хотѣли отправить въ Москву черезъ Ярославль, но самимъ имъ хотѣлось ѣхать сухимъ путемъ, на Владиміръ, «для того что имъ, въ судѣхъ ѣдучи, скучилось». Тогда нижегородскіе воеводы задержали пословъ въ Нижнемъ, а въ Москву отпустили, 13 сентября 1619 г., одного Ивана Петлина, съ запросомъ, что дѣлать съ посольствомъ. Изъ Москвы отвѣтили 25 сентября, чтобы посольство оставалось въ Нижнемъ «до указу». Указа не было долго, и послы сильно скучали. 23 ноября нижегородскіе воеводы доносили царю, что послы бьютъ челомъ не задерживать ихъ, потому что «онѣ ѣдутъ къ тебѣ, государю, изъ далнихъ земель, а ездовой путь имъ сталъ мешкотно, и в Нижнемъ зажились долгое время и твоихъ царскихъ очей долгое время не видали». 7 декабря въ Москвѣ было получено изъ Нижняго сообщеніе, что лаба Тарханъ просилъ передать царю слѣдующее: «излюбили де, государь, ево всѣмъ ихъ

наша Ялычева, которому, вмѣстѣ съ Иваномъ Петровымъ, приписано путешествіе въ хронографѣ? Слово *Бурнашъ* могло, въ свою очередь, произойти отъ имени казака Бурнаша Никонова, который провожалъ въ Москву и обратно пословъ Алтына царя,—какъ тѣхъ, которые приходили съ Василіемъ Тюменцомъ и Иваномъ Петровымъ, такъ и тѣхъ, которые были приведены Петлинымъ.

1) Моск. Гл. Арх. М. Ин. Д., то же дѣло.—Бум. Миллера Ак. Н., Туринск. Арх., I, № 129, л. 140.

Лабынскимъ государствомъ ити в послѣхъ к тебѣ, государю царю и великому князю Михаилу Өеодоровичю всея Русіи, к Москве и послали ево на скоро; да онъ же лаба Тарханъ посланъ и отъ Алтына царя к тебѣ, государю, а которые дары посланы отъ Алтына царя к тебѣ, государю, и тѣ де дары везетъ к тебѣ, государю, онъ же лаба Тарханъ; и онъ де лаба Тарханъ ныне боленъ конечно с тое кручины, что твоихъ государьскихъ очей долгое время не видалъ, и путь де ему сталъ мешкотно,—изъ Нижнево ево к тебѣ, государю, долгое время не отпустятъ». Тогда въ Нижній, 10 декабря, послана была грамота, съ повелѣніемъ отправить пословъ въ Москву зимнимъ путемъ.

10 января 1620 г. послы пришли къ Москвѣ и стали, не доѣзжая 15 верстъ до нея, на послѣднемъ стану, на рѣкѣ на Пехоркѣ. Здѣсь 11 января лаба Тарханъ въ разспросѣ сказалъ слѣдующее:

«Посланъ онъ к великому государю царю и великому Бѣлому князю Михаилу Федоровичю всея Русіи отъ Алтына царя, видети царьское здоровье и бити челомъ государю, чтобы государь пожаловалъ ихъ, велѣлъ имъ в государство свое с тавары ѣздити по волной грамоте с нимъ отъ Алтына царя; и поминки ко государю есть; одна грамота писана Алтына царя языкомъ, а другая Мугалскимъ языкомъ, а обе грамоты об одномъ дѣле. А с нимъ, с Тарханъ лабою, таварыщей восмь человѣкъ: Кета-бакши, да Онча, да Скелденъ, Янцу, Тилей, Ржамцу, да Шисенга, Аманкере. А онъ де, лоба с таварыщи, не Алтына царя люди: по своей вѣре онъ, лаба, духовной чинъ Мугалскіе земли, по здѣшнему—какъ митрополитъ. А владѣтель де Мугалскими монастырями кутухта, а они де в лабы ставятца отъ кутухты. И ни которые де пограничные государи ихъ Лабынскіе земли не воюютъ, потому что они духовной чинъ. А пріезжалъ онъ, лаба, к Алтыну царю в улусы для торговли, и ему говорилъ Алтынъ царь, чтобъ онъ поѣхалъ отъ нево ко государю в послѣхъ, а Алтынъ царь с нимъ пошлетъ своихъ людей. И онъ, по Алтына царя слову, отъ него ко государю в послѣхъ пошелъ, а Алтынъ де царь с нимъ в таварыщехъ послалъ своихъ дву человѣкъ: Кете-бакшу да Алгу. А коли они бываютъ на поклоненье у началника своего у кутухты, и они де ему поклонятца трожды до земли, и, пришедъ к нему, наклонитца, а кутухта на нихъ накладываетъ руку; а коли де имъ

лучитца быть у Китайскова царя или у которого иново ихъ вѣры, и лабы де царемъ не кланяютца: царя лобамъ кланяютца, а лабы на царей накладываютъ руки, такъ же какъ на нихъ кутухта руку накладываетъ. А вѣруютъ де они в вышнего Бога, которой сотворилъ небо и землю, да в кутухту. А кутухта де сотворенъ толды же, какъ Богъ сотворилъ небо и землю, и николи де кутухта не умираетъ: коли де лучитца ему зъ Богомъ побесѣдовать, и онъ духомъ восходитъ к Богу на небо, а тѣло остоваетца на земли; и ево тѣло люди сожигаютъ огнемъ, и после де того вскоре Богъ опять ево воскрешаетъ, и живетъ по прежнему. А какъ де Богъ ево воскреситъ, и онъ с собою с небисе приноситъ образъ Божей, и тѣмъ де образомъ мы молимся».

29 января 1620 г. послы были приняты царемъ Михаиломъ Θеодоровичемъ. При этомъ оказалось, что разсказъ лабы Тархана о томъ, какъ принимаетъ ихъ кутухта и какъ встрѣчаютъ единовѣрные цари, былъ, очевидно, вызванъ особымъ вопросомъ со стороны москвичей,—по соображеніямъ церемоніальнымъ: на пріемѣ русскій царь, подобно кутухтѣ, «пожаловалъ лабу Тархана к руке и клалъ на нихъ руку свою». Послы поднесли царю дары, оцѣненные на казенномъ дворѣ въ 130 рублей. Въ грамотѣ Алтына, которую они принесли съ собой, говорилось слѣдующее:

«Великому государю Бѣлому царю Алътынъ царь грамоту поднесть велѣлъ. Прежь сево, тому ужъ лѣтъ съ тринатцеть, твоимъ государевымъ словомъ твои государевы люди говорили мнѣ, чтобъ дорога изъ вашего государства к намъ и отъ насъ в ваше государство была чиста. И которые прежніе твои государевы послы с тѣмъ словомъ были посланы ко мнѣ, и тѣхъ твоихъ государевыхъ людей на дороге побили Черные Калмыки, а до меня не допустили. А после того приходили ко мнѣ твои государевы люди двенатцеть человѣкъ, и с тѣми с твоими государевыми людми послалъ я к вамъ, государю Бѣлому царю, бити челомъ и здоровье твое видеть людей своихъ, Каяна да Кичешу с товарыщи. И ты, государь, любя меня, тѣхъ моихъ пословъ, пожаловавъ, отпустилъ ко мнѣ, а с ними, государь, прислалъ ко мнѣ три судна серебреныхъ, да двѣ пищали, да саблю, да лукъ, да двѣ однорятки. И что вамъ, великому государю, на нашей востошной стороне годно, и то всякое ваше государево Бѣлово царя дѣло

я, Алтынъ царь, здѣлаю, какъ вамъ, государю, годно. А прошенье мое: чтобъ межь насъ с тобою послы ходили, и торговымъ бы нашимъ людемъ дорога в твое государство и твоимъ людемъ к намъ была чиста. И тому доброму дѣлу помѣшку чинятъ межь насъ Калмыцкой Каракулы-тайша; а люди они немногіе, и тобѣ бы, великому государю, про то было вѣдомо. И тобѣ бы, великому государю Бѣлому царю, послать повѣленье свое к Томскимъ и к Тобольскимъ и к Тарскимъ ко всѣмъ людемъ, чтобъ они всѣ твои государевы ратные люди с моими ратными людми на тѣхъ воровъ, на Каракулы-тайшу и на ево людей, войною ходили: твои государевы ратные люди на нихъ с твоей стороны ходили, а я с свою сторону на нихъ своихъ ратныхъ людей учну посылать, чтобъ межь насъ воровъ не было и дорога бы была чиста. И какъ отъ тѣхъ воровъ дорога очиститца, и тобѣ, государю, и мнѣ будетъ прибыль и добра много, и ныне бы, государь, и впередъ межь насъ послы ходили безъ урыву. Да приходили ко мнѣ твои государевы послы из Сибири, Иванъ да Ондрѣй, и просились в Китай, и я для васъ, великаго государя, тѣхъ твоихъ государевыхъ людей послалъ в Китай, а проводить ихъ велѣлъ до Китая Билякты лабѣ да Тархану лабѣ и своимъ людемъ. И они ихъ до Китая допровадили здорово и назадъ ко мнѣ ис Китая допровадили здорово же, и я ихъ отпустилъ к тебѣ, государю, а с ними послалъ к тебѣ пословъ своихъ, Тархана лабу да Кете-бахшу, а с ними десеть человѣкъ Киргисцовъ, з грамотою. Да с ними же послалъ к вамъ, государю, тріехъ барса, да ирбизъ с ногами и с ногтями, да три рыси, да камку красную, да камку желту, да бархать, да наручи, да иноходецъ. А у васъ, великаго государя Бѣлово царя, прошенье мое: чтобъ вы, государь, прислали ко мнѣ платно золотное и с серебромъ, да пять портищъ суконъ розными цвѣты, да желѣза, в чемъ твои государевы люди на войну ездятъ, и з шапкою, да пять каменей добрыхъ розными цвѣты, да саблю, да лукъ, да золотомъ наводженъ кумганъ, да котелъ серебреной, да аргамакъ; да карлу хоти, государь, с посломъ своимъ пришли ко мнѣ посмотрѣть; да мастеровъ, которые дѣлаютъ пищали и порохъ, пришли, государь, ко мнѣ с посломъ своимъ, а посмотря у нихъ мастерства, отпущу ихъ к тебѣ, государю, назадъ с тѣмъ же посломъ, которого ко мнѣ пришлешь. А что у насъ есть и тобѣ,

государю, годно, и тобѣ бы, государю, ко мнѣ приказати с посломъ, и посла бъ тобѣ своего прислать ко мнѣ отъ себя, а не сибирскихъ людей. А что тобѣ, государю, годно, и я про то не вѣдаю; а только бы вѣдали, и я бы то к тебѣ, государю, и послалъ. И пословъ бы моихъ не велѣлъ задержать: вели ихъ отпустить ко мнѣ»[1]).

Въ Москвѣ посламъ пришлось прожить до весны. 25 апрѣля[2]) они были приняты царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ въ Золотой палатѣ въ прощальной аудіенціи, и царь на «отпуске ихъ жаловалъ, были имъ подача меды» и жалованье платьемъ. 7 мая послы поѣхали обратно, съ тѣмъ же томскимъ казакомъ Бурнашемъ Никоновымъ, который проожалъ ихъ и до Москвы[3]).

Въ пути велѣно было давать имъ на кормъ ежедневно: лабѣ Тархану и другимъ Алтыновымъ посламъ по 10 денегъ на человѣка, а Киргизскимъ посламъ по 8 денегъ на человѣка; также и питья: «лобе Тархану давать вина по 4 чарки на день, меду по 2 кружки, пива по 2 кружки же на день; Биликты лобы послу да Алтыновымъ посломъ 3-мъ человѣкамъ по 3 чарки вина на день человѣку; Киргискому послу да людемъ Алтыновыхъ пословъ давать вина по две чарки на день человѣку; меду давать Биликты лобы послу по две кружки, пива по две кружки жъ на день; Алтыновымъ посломъ 3-мъ человѣкамъ да Киргискому послу да людемъ ихъ, всего 9 человѣкамъ, меду и пива давать всемъ собча по полуведра меду да по ведру пива на день»[4]).

Въ этотъ разъ пріѣздъ Монгольскаго посольства произвелъ въ Москвѣ не особенно пріятное впечатлѣніе,—вѣроятно, потому, что изъ грамоты Алтына тамъ увидѣли, что онъ не считаетъ себя подданнымъ русскаго государя, какъ объ этомъ объявлено было послѣ перваго его посольства: напротивъ, сносится съ Бѣлымъ царемъ какъ равный ему, предлагая заключить съ нимъ союзъ и завязать постоянныя сношенія. Это показалось на Москвѣ слишкомъ смѣлымъ, и потому рѣшено было, чтобы впредь послы изъ Мунгальскаго, Китайскаго и Лабинскаго государствъ, даже въ случаѣ признанія ими подданства русскому царю, не отправлялись чрезъ сибирскихъ городовъ къ Москвѣ безъ предварительнаго сношенія съ центральнымъ правительствомъ. Вслѣдствіе этого, съ тѣмъ же Бурнашемъ Никоновымъ послана была Томскимъ воеводамъ кн. Ив. Оед. Шаховскому и Макс. Ив. Радилову грамота, въ которой имъ предписывалось: «А впередъ бы есте с Алтыномъ царемъ и с Китайскимъ и с Мугалскимъ государствомъ безъ нашего указу ни о чемъ ссылки не держали, потому что тѣ государства далные, и торговымъ людемъ ходити отъ нихъ в наши государства далеко, а Алтынъ царь—кочевные орды, люди воинскіе, а нашимъ государствамъ прибыли отъ нихъ, кромѣ запросовъ, никакіе нѣтъ и впередъ не чаяти. А розвѣдывали бъ есте про тѣ государства всякихъ вестей противъ прежнего нашего указу, какъ о томъ писано отъ насъ напередъ сего в Тоболескъ, к боярину нашему и воеводѣ ко князю Ивану Семеновичю Куракину, да и ныне отъ насъ в Томской городъ, к боярину и воеводе к Матвѣю Михайловичю Годунову да к дяку к Ивану Шевыреву писано же, что впередъ имъ с Алтыномъ царемъ и с Китайскимъ и с Мугалскимъ государствы о посѣхъ ссылатца не велено. А будетъ только впередъ отъ Алтына царя или из Китайсково или Мугалсково государства учнутъ приходить к намъ в Томской городъ послы или посланники собою, и вы бъ велѣли имъ быти въ съѣзжей избѣ, и ихъ роспрашивали подлинно: для какихъ дѣлъ пришли, и о чемъ государей ихъ у насъ, великого государя, будетъ прошенье, и хотятъ ли государи ихъ быти подъ нашею царскою высокою рукою, и какую намъ дань давати учнутъ, и грамоты с ними есть ли, и о какихъ дѣлехъ, или что с ними будетъ словесной приказъ,—о томъ бы есте о всемъ роспрашивали ихъ подлинно и писали к намъ к Москве с нарочными гонцы, а тѣхъ посломъ или гонцомъ велѣли побыти у себя в Томскомъ городе, и приставовъ к нимъ приставляя, и корм велѣли давати до нашего указу, будетъ в нихъ, по ихъ роспросу, почасте каково доброво дѣла и государствамъ нашимъ прибыли, а безъ нашего бъ есте указу тѣхъ пословъ к нимъ

1) Моск. Гл. Арх. М. Ин. Д., дѣла Монгольскія, дѣло 13 сент. 1619—ноябрь 1621 гг.: Пріѣздъ отъ Мунгальскаго царя Алтына пословъ, лабы Тархины съ товарищами.

2) У Забѣлина — Дополненія къ дворц. разрядамъ, 210 (Чт. М. О. И. и Др., 1882 г., I)—аудіенція была 28 апрѣля.

3) Моск. Гл. Арх. М. Ин. Д., дѣла Монгольскія, дѣло 13 сент. 1619—ноябрь 1621 гг.: Пріѣздъ отъ Мунгальскаго царя Алтына пословъ, лабы Тархана съ товарищами.

4) Бум. Миллера Ак. Н., Туринск. Арх., I, № 137, л. 147 об.—148.

к Москве не отпускали. А будетъ у тѣхъ Алтыновыхъ и у Лабинскихъ
пословъ, которые учнутъ впередъ къ вамъ в Томской городъ приходити, по
ихъ роспросу, каково доброво дѣла и государствамъ прибыли не почасте,
а учнутъ приходить только о своихъ запросехъ или о помочи какихъ из-
шихъ ратныхъ людей, и вы бъ имъ отказывали, что вы о томъ о всемъ
отпишете к нашему царскому величеству, а безъ нашего указу отвѣту
вамъ на то ихъ прошенье учинити не пригоже; и что вамъ впередъ
о тѣхъ дѣлехъ будетъ наше царское повелѣніе, и вы о томъ к нимъ вѣ-
домо учините грамотою своею с своимъ гонцомъ или с кѣмъ пригоже.
А сказавъ имъ то, отпускали бъ есте ихъ назадъ в свои земли, не мешкая
и безъ нашего указу, а много ихъ в Томскомъ городе не держали и того
остерегали накрепко, чтобъ они Сибирскіе земли не росматривали.
А кормъ бы есте и питье в Томскомъ городе и в дорогу на отпуске
давали не великой, — какъ имъ мочно сытнымъ быть; да о томъ бы
есте о всемъ писали къ намъ к Москве, чтобъ намъ про все было
вѣдомо» [1]).

Такимъ образомъ, смѣлая инициатива кн. И. С. Куракина, послав-
шаго Петлина провѣдать Китайскую землю, осталась безъ поощренія; не-
извѣстно даже, получилъ ли отважный казакъ за свое путешествіе въ
Китай какую нибудь награду: въ этомъ отношеніи его предшественники по
пріѣздѣ въ Монголію, Иванъ Петровъ и Василій Тюменецъ, были, повиди-
мому, счастливѣе его [2]). Путешествіе Петлина заинтересовало Московское
правительство только съ одной стороны: въ спискѣ тѣхъ мѣстъ, чрезъ
которыя онъ проходилъ, посланномъ въ Москву изъ Тобольска княземъ
Куракинымъ, когда Петлинъ только что пріѣхалъ въ Тобольскъ, было
упомянуто про видѣнный Иваномъ Петровымъ у большого озера само-
цвѣтный камень: «сказывалъ Ивашко Петровъ, в коемъ озере самоцветъ

1) Моск. Гл. Арх. М. Ин. Д., дѣла Монгольскія, дѣло 13 сент. 1619—ноябрь 1621 гг.: Пріѣздъ отъ Мунгальскаго царя Алтына пословъ, либы Тархана съ товарищами.—Ср. выше, въ разспросѣ Василія Тюменца и Ивана Петрова, справку Посольскаго приказа.

2) Въ *Алфавитномъ указателѣ фамилій и лицъ, упоминаемыхъ въ Боярскихъ книгахъ* (М. 1853 г.) значится (стр. 319) Григорій Лаврентьевъ, Петлинъ,—въ 1682 г. стряпчій, въ 1692 г. стольникъ. Не потомокъ ли это Ивана Петлина и не получилъ ли послѣдній за свое путешествіе также званіе боярскаго сына?

каменьѣ» [1]). Получивъ это извѣстіе, Московское правительство распорядил-
ось, чтобы кн. Куракинъ немедленно послалъ на то озеро «ково пригожъ»
и провѣдалъ бы, «х которымъ Сибирскимъ городомъ то озеро поболшо ближе,
и есть ли в томъ озере каменье узорочное, которое к государеве казне
пригодитца»; если такое каменье окажется, то велѣно было набрать его,
сколько можно, и прислать къ Москвѣ. Князь Куракинъ распорядился,
чтобы этимъ дѣломъ занялся Томскій воевода О. В. Боборыкинъ: «и тебе бъ,
господине,—писалъ онъ Боборыкину,—велеть выбрать в Томскомъ го-
роде не тех людей, которые ходили с Ышашкомъ Петровымъ к Алтыну
царю, служилого человѣка да из-иныхъ служилыхъ людей человѣка или
два, а, выбравъ, послать для каменья на то озеро, гдѣ самоцветъ камень
и иное узорочье, и велеть, пришедъ на то озеро, набрать самоцветного
каменья, болшово и середнева и меншова, и всякова узорочья, какое
в томъ озере узорочье есть; да какъ они на то озеро сходятъ и назадъ
в Томской городъ придутъ и сколко каменья и иного узорочья с собою
въ Томской городъ принесутъ, и тебѣ бы, господине, то каменье и всякое
узорочье велеть у нихъ взять и переписать, а переписавъ, прислати
в Тоболескъ с ними жъ или с кемъ пригоже» [2]). Чѣмъ кончилось это
дѣло, неизвѣстно.

Между тѣмъ, послы Алтына царя 2 августа 1620 г. прибыли въ
Тобольскъ, и здѣсь имъ пришлось испытать еще одну крупную непріят-
ность: по приказу изъ Москвы, Тобольскій воевода Матѳѣй Мих. Годуновъ
послалъ на судно, въ которомъ они ѣхали, подъячаго Агавона Тимофѣева
и велѣлъ «у нихъ у всѣхъ пересмотрить пищалей и самоналовъ». Нашлось
девять самоналовъ, которые и были конфискованы, такъ какъ они про-
везены были изъ Москвы «украдомъ, а ни въ которомъ городѣ не
объявя» [3]). Даже потраченныя послами на покупку этихъ пищалей деньги
не были тогда имъ возвращены; только черезъ 16 лѣтъ, въ 1636 году.

1) Иванъ Петровъ самъ, очевидно, не сообщилъ въ Москвѣ объ этой находкѣ.

2) Бум. Миллера Ак. Н., Томск. Арх., I, № 60, лл. 74 об.—75 об.

3) Моск. Гл. Арх. М. Ин. Д., дѣла Монгольскія, дѣло 13 сент. 1619—ноябрь 1621 гг.: Пріѣздъ отъ Мунгальскаго царя Алтына пословъ, либы Тархана съ товарищами (Отписка М. Годунова 17 авг. 1620 г.).

когда уже само Московское правительство искало сближенія съ Монголіи, было рѣшено уплатить эти деньги: въ наказѣ отправлявшемуся къ Алтыну Томскому боярскому сыну Степану Александрову велѣно было сказать лобѣ Тархану, что «великій государь пожаловалъ, велелъ тѣ деньги за пищали к нему послати с царевыми Алтыновыми послы, для того что пищали не сысканы, и онъ бы ихъ взялъ»[1]).

Изъ Тобольска послы отправились въ Томскъ и прибыли туда 3 октября 1620 г.; приставъ Бурнашъ Никоновъ почему то не пріѣхалъ вмѣстѣ съ ними. Изъ Томска 8 числа того же мѣсяца они поѣхали въ свою землю, получивши «государевъ кормъ и подводы и служивыхъ людей конныхъ, десятника Ондрюшку Губу да с нимъ казаковъ двенцать человѣкъ в провожатыхъ до Киргиского рубежа». 22 октября Андрюшка Губа съ товарищами вернулся назадъ и донесъ Томскимъ воеводамъ, что «они Алтына царя и Могалскіе земли и Киргискихъ пословъ, Тарханъ лобу с товарищи, до Киргиского рубежа проводили здорово»[2]).

О. Покровскій.

---

1) Бумаги Миллера Ак. Н., Томск. Арх., I, № 163, л. 242.
2) Тамъ же, № 69, лл. 81 об.—82; № 78, лл. 92 об.—93 об.

5000